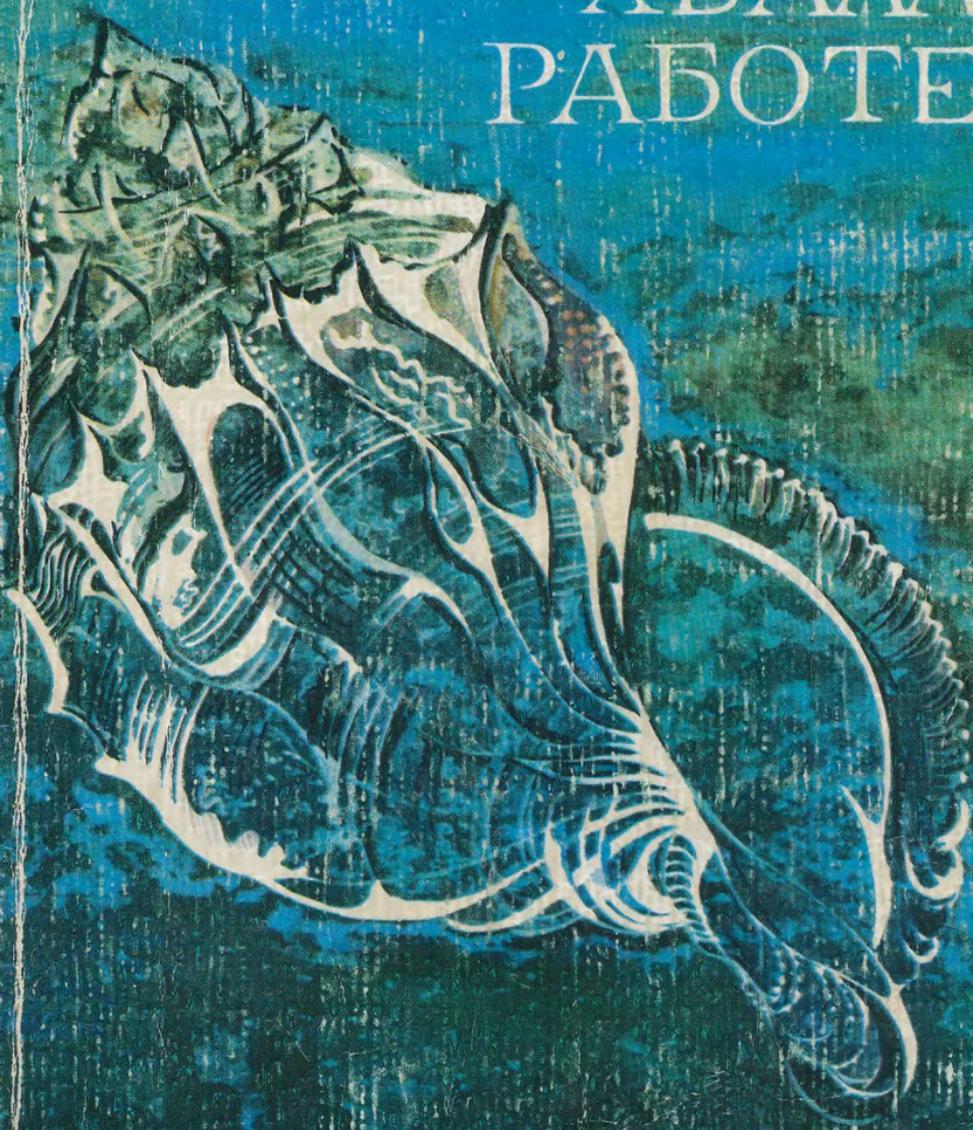

НОВАЛА МАТВЕЕВА
ХВАЛА
РАБОТЕ

Новелла Матвеева

ХВАЛА
РАБОТЕ

Стихотворения

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1987

ББК 84Р7
М 33

Художник
Лилия ЗУБАРЕВА

М $\frac{4702010200-283}{078(02)-87}$ 205-87

© Издательство «Молодая гвардия», 1987 г.

Поэту Ивану Киуру

ПОЛОВОДЬЕ

Воды шумят и плещут, режут глаза сверканьем;
Мокрая щепка блещет, как драгоценный камень!
Кружится половодье, злится, мосты смывает...
Я опушу поводья: конь мой дорогу знает.

Выберусь на дорогу: глина на ней размыта.
Жаль, что по ней не могут звонче стучать
копыта!

Ах, как мне снится лето! Теплое и сухое;
Сосны сухого цвета, с легким дыханьем хвоя,

Тонкой калины ветки, грустной кукушки «слезки»
И на березках редких — пятнышки и полоски!
...Кружится половодье, злится, мосты срывает...
Я опушу поводья:
Конь мой дорогу знает.

РЫБАЧКА

Низко над морем летела снежинка —
С нею напев мой осенний сложился.
 Как снежинка на щеке распалась,
 Так растаял вдалеке твой парус...

 Дым на бурых крышах,
 Гавань в ярко-рыжих
 Листьях. И чешуйках
 рыбьих.
 Чайки с криком гневным
 Бьют по водным гребням
 Чёрными концами
 крыльев.

А-а-а!..

Маленький остров, поселок неяркий.
Там, у поселка, ты станешь на якорь:
 На костре уха вариться будет,
 Ветер с моря
 котелок остудит,

 И огонь погаснет
 В сумерках неясных,
 В сумерках, как сон,
 капризных...

Море беспокойно...
Сеть на серых кольях
Будто на ходулях
 призрак...

О-о-о!..

Я не печалюсь, хоть я и рыбачка:
Что мне печалиться? Что мне рыдать-то?
 И рыбак уху готовить может,
 И рыбачка рыбу ловит тоже.

Тенью подбородка
Волны ловит лодка, —
Сяду, поплыву
на отмель.
В раковинках белых
Откачнулся берег,
Будто отболея
и отмер...

А-а-а...
О-о-о...

ПЕСНЯ О МАТЕРИ

Повыцвели у межи
Бубенчики наперстянки.
А мать родилась — во ржи,
Дочка простой крестьянки.
Цвели во ржи васильки,
И маки в разгаре рденья,
А с легкой ее руки
Удвоилось их цветенье.

...Сытая поздним дождем,
Восходит ночь молчаливо.
По краю поля бредем,
Как по черте прилива.
Рукой по хлебной стене
Проводит мать, напевая,
И ходит рожь при луне, —
Ее колыбель живая.

«ВЫШЕЛ ИЗ НАРОДА...»

Шасьт из народа! — тут ему и ода.
А я как раз пришла предупредить,
Что я не выходила из народа,
Да и не собираюсь выходить.

Была ходьба в народ. Настала мода
На выход *из!* Но если рассудить,
В народе нет ни выхода, ни входа:
Мы «заперты»; мы все — народ. Как быть?

Спесь — вещь не антикварная. Отныне
Мы в общей массе, точно в карантине,
Дабы зараза чванства не могла б

Осилить нас. Но... приоткрой ворота;
Пусть напоследок *выйдут из народа*
«Патриций»-сводник и продажный раб.

1964 г.

* * *

У старца немощного корку последнюю изо рта
Вырвет; злорадного даст пинка сироте пугливой...
Но из журналов и книг он узнал, что есть на земле...
доброта.
И шумно, и много стал толковать о ней — такой
молчаливой!
О самой что ни на есть молчаливой из всех добродетелей
света
И не имеющей
(Кроме секрета молчания)
Тайны другой, другого секрета.

ПРЕДЗВУК

1. К сонету

На четырех на бронзовых своих
Широких ножках, вроде львиных лап,
Четырнадцатистрочный прочный стих
Стоит в веках — и сдвинулся хотя б!

Он помнит многих всадников лихих,
Сражений дым, звон шпор и конский храп,
Дождей дубравных шум и пестрый крап,
Гитар бренчанье смугло-золотых...

Лишь грезу: полуявь и полусон,
Химеру, полусумрак-полусвет,
Сомненье, страх, беззвучный, как роса,

Лишь безотчетность презирает он.
Но... есть в ночи и эти голоса;
Нам стоит к ним прислушаться, сонет!

2. Предзвук

То, что свечу горящую в посуду
Стеклянную не ставят, было мне
Известно, но... забот ужасных груды
Свалив, я на прозрачном скакуне

Огонь скакать оставила. Простуду
Спеша избыть, в деревне, в тишине
Я пребывала в честном крепком сне,
Всем революциям ставящем запруду.

Вскочила я... И в следующий миг
Фитиль свернулся. Пламени язык
Лизнул стекло; стакан, взрываясь, лопнул...

Но он еще был цел, когда я вдруг
Вскочила! Разбудил меня не звук,
А сам *предзвук* — его чудесный лоцман!

3. Лоцманское

Кто обгонял быстрееших безрассудно?
Кто меньше спал, чем самый чуткий кормчий?
Резная — на носу морского судна —
Фигура, — талисман от зла и порчи,

В далекий мрак, за страны Трапезунда
Вперяя взгляд вперед смотрящих зорче,
В седую рань подводных чудищ корчи
Кто, ей подобно, первый видел смутно?

Кто раньше вышел в море, взяв до срока
Вест? Чьи глаза — как чайки — тень форштевня

Опережали (так же!) — до отплытий?

Кому так зябко, жутко? Так волшебно?
В рассветной тьме кому так одиноко
Ловить предзвуки — вести предоткрытий?

ОРАТОРИЯ ЗВЕЗД

Уж ты хочешь не хочешь, а
будешь спасен.

Аристофан

Много чудовищ, пугающих, скользких и черных,
Кроется в лазах пещерных, в озерах нагорных.
Связано с ними подчас открывательства чудо.
Но... омерзение к ним в человеке — откуда?
Что за тревога при виде чудовищ? И мука?
Не отвечает на «глупости» эти наука.

Тогда к чему столь многих тайн
разгадка?
На кой заплатка Бермудскому
провалу?

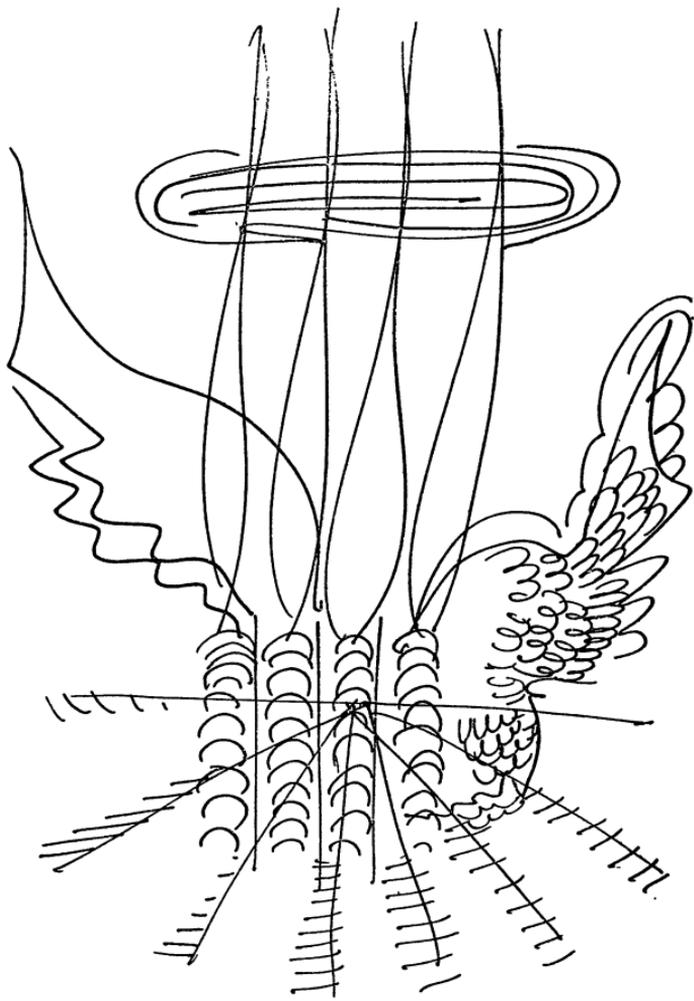
Жрец термоядерных таинств!
На звезды, за звезды
Много не-звездного, ползающего занес ты.
Новый Тарзан (ах, чужда ему звездная глушь-то!),
С бомбой шагнув за предел, неподвластный уму,
Тайну простейшей гадливости разве открыл бы?
Неужто?

Даже брезгливость — и та недоступна ему.

Но что там за придирки
К его неблагородству,
Гадлив ли он? Опять-таки немало,
Когда микроб убийственный
в пробирке

Несет он детству,
Старчеству,
Сиротству
(Негромкого алкая идеала!)

Негромкого?
Зачем же славой бредит
Чудовище, когда на звезды едет?

Но, спрятавши в рукав микроб расправы,
Чудовище... опять не хочет славы!

Так оборотень крутится лукавый —
То скромн, то велик... А ни малейшей
Ведь разницы! — была заметной чтобы!
Кто всей планете крах готовит злейший,
Тому едино — звезды иль микробы...

И тщетно раздвоенье,
И тут напрасно рвенья
То в логовище льва, то в норку мыши
С желанием то славы, то забвенья.

То, что могли бы по звездам пройтись нувориши,
Льстит им? Еще бы «не льстит»! Но, как сказано выше,
Звездный слепец, — что касается славы, то — тише!
Норку-то мышью себе лучше сразу пророй...

Да. Любопытна судьбина
Звездного мне мещанина...

Ночью, как дождик по крыше,
В сей термоядерный лоб не стучится ль порой
Истина? То, что он все-таки *тихий герой*?
То, что со свистами мчится на скорости бешеной,
Все ж, как ни странно, не буйный, а... тихий

помешанный?

Противуречьям подверженный и неутешенный?

Тише.

То, что могли бы по звездам гулять

нувориши,

Их честолюбью приятно. Но все-таки —

тише!

К звездам! Но — тише.

К звездам? Но так, что об этом ни од, ни поэм?

К звездам? Но так, чтоб никто не «пронюхал» — зачем?

Так, чтобы спрятать концы и огни потушить?

«К звездам», но так, что приходится гласность душить,
Делаясь даже... стеснительным мало-помалу!

Так вот — от мыши ко льву. И опять от остуды —
к накалу —

Несовместимое грозно колеблет умы...
Но толстосумов, заметно рехнувшихся, вызов
Космос отринет — не выполнит барских капризов,
Мзды их не примет. Величья не даст и займы.
О маньяки! О лунатики шатких карнизов!
Дерзко язык ему выказав, ждите сюрпризов,
Новые фаусты, изобретатели тьмы!

Что толку, что вы Космос допросили?
Часть тайны выдав, он все так же в силе.
Его не прошибешь миллиардерством.
И, с вашим не считаясь люциферством,
Он снова сбросит вас —
И в том ваш «звездный» час.

Впрочем, для тихих биологов,
звездных микробов,
Царственных львиных мышей, — это тоже немало!
Но... в суперменства кругах потаенных, особых,
Славы желая, никто не желает скандала.

Ну, так потише! Ни звука, здоровый калека,
Мутная, дикая помесь Икара с... банкиром!
Вам по ранжиру лишь *тихие подвиги века*,
Хоть разорвитесь вы сами, как бомба, над миром.

Пламя во взоре и плащ романтический, с дыркой —
Вам не к лицу этот вид крикунов записных.
Вкрадчивый подвиг лица со зловонной пробиркой,
Хочешь не хочешь, а должен быть СКРОМЕН И ТИХ.

Но где там!
Наш двуногий,

Шум подымая многих,
Вновь громкого алкая идеала,
Романтикой пылая
На базе демагогий,
(От тихих биологий
Отмыться в то же время не желая),
Ведь вот уже к звездам летит,
Опуская скафандра забрало.

К звездам!

С микробами, с грязной бациллой в запасе?

К звездам!

Столкнувши ногой атлетической вниз

Чьих-то кричащих детей, в вулканической массе

Скорченных... К звездам! (Рожденные ползать,

а как занеслись!)

К звездам! (С тяжелыми слитками золота,

а как воспарили!)

Странно, что крылья Икара кровавой горилле

Жизнь навязала!

...Как прежде, в грозóвых тучах

Слежу я жизнь звезд падучих

И свойства чудищ ползучих

За их пещерную щелью...

И новое чье-то

Поползновенье к полету —

О полет с бескрылою целью!

И вот уж там, за метелью,

Ползать рожденному надобно скорость усиливать.

(Мерзок палач и пространствам, грозно сползающим!)

Повелевать! ...А приходится тихо повиливать

Хвостом, к земле примерзающим...

«В полете сбитый — был кем?». «Почем

Нам знать?» — «Элитой?» — «Нет. Палачом».

Прощай,
Священная тайна жизни!
И вы, немашинные песни
Гениев! — сразу прощайте.

Победа над страхом болезни,
Тайна эфира, великая тайна крыла, —
Плачьте! Присвоили вас маньяки-геростраты:
Наши находки они превратили в утраты!
Инеем в небе растаяли аэростаты, —
Так и не ведаю, где им посадка была...

Мы так и не дошли до окоема!
На горизонт мы так и не сходили.
А мы как раз там были бы как дома;
Мы Фантомаса бы опередили,
С ног его сбив
И железные люки задраив над ним
для начала...

Я и теперь, этот сон вспоминая, ликую!

Тайн дополнительных я открывать бы не стала,
Лучших, чем сон мой, чем сон мой былой!

Тайну открыв, поневоле откроешь другую:
Вслед за *такою* всегда приведешь *не такую!*
Вслед за желанною — ту, что тебе преотвратна,
Ту, что охотно забыл бы, зарыл бы обратно,
Ту, за которой... опять ничего не понятно,
Ту, за которой опять мироздание шатко...

Разгадка лишь копейка от задатка.
(В копейке ж той конец без Воскресенья!)
Разгадка — еще бóльшая загадка,
В ней слишком ловко спрятано везенье!
Она не то, что просим, отдает нам —
Лишь новые загадки задает нам...

Что ж! Коли так... Не открыть ли опять, для порядка,
Тайну дерзання? И, может быть, тайну спасенья?

Сами твердим, что познанию конца не бывает.
Что же так часто «всезнанием» оно застывает
Куцым?! А свету и вправду конца не видать...

Брошена дерзко в лицо Мироздания
перчатка, —
Лучше бы руку на счастье
Вселенной податы!
Ибо никто не открыл ее всю, без остатка.
Да и перчаток не хватит ее закидать.

Разгадка — только новая загадка
Здесь, на Земле, где хаос, враг порядка,
С гармонией не может совладать.

В мире когда-то божественными считались
Подвиги храбрых. Но мифов жемчужную нить
Скептик рассыпал. А подвиги храбрых? Остались!
Скептику хуже: их нечем теперь объяснить...
Необъяснимое, впрочем, нам как-то понятно.
Лишь объясненное — сызнова ставит в тупик!
Да не отступим, когда и упустим обратно
В темную глубь разволнованных книг
И набегающих звуков
Тайну, добытую в муках.

Разгадка — еще бо́льшая загадка;
Не цель пути она, а лишь прокладка
Могучего пути...

..Ветреной ночью — как дивно Вселенной

мерцанье!

В нем обещанье далекое,

В нем прорицанье

Грозное! всем, кто нарушил зарок:

не расслышал урок

Мирозданья.

I

ВЗМОРЬЕ

Дремучих водорослей выброс —
Оброк волнистый, море, твой.
Как тонкий дышащий экслибрис,
В простенке скальном — жабры хвой.

Был дождь. Но путники толпой,
На ста подошвах разнесли грязь
В даль, в повторяемую хриплость
Прибоя вдоль береговой

Черты... И всё! И только тайна;
Лишь несказанному мгновенью
Окажем родственный прием...

Как пестры в сумерках мечтанья! —
Есть чем прожить! А дуновенью —
С чем унести за оком.

ИТАЛИЯ

Чудесная Италия!
Чудесней не сыскать!
Я свой багаж оставила
И вышла погулять.

Как в давние столетия, лил вечер клики звонкие.
И статую Трагедии заметила в сторонке я.
У прачек были прения насчет ведра и цуцика,
Но даже оскорбления звучали здесь как музыка!

Прекрасная Италия!
На всем твоя печать.
Но что тебя заставило
Транзисторы включать?

От крика, гвалта шалого, железного и медного,
Весь вечер прочь бежала я... Но вдруг шаги
замедлила;
Сияли звезды ясные. И уши мои расслышали
Вдруг — песню настоящую! Вдали,
впереди,
над крышами...

Ночь лунная, чудесная,
На тучах блики пламени...
Иду я вслед за песнею,
Куда б ни привела меня!

Всю ночь шагать готовая, к домам и лавкам
запертым,
Пришла я в местность новую — с уже рассветным
запахом.
Покуда не проснулся двор... Кругом такая рань
была!
Вдоль стенок баки с мусором,
а под крышей — пенёк
ангела!

О дивная Италия!
Оглядываюсь: где ж она?!
Но песенка растаяла
Там, где белье развешано.

О дивная Италия!
Я все искала: где ж она?..
Но песенка растаяла,
Где всегда
 белье
 развешано.

РИТМЫ ВЕКА

Делаем порой напрасно вид мы,
Будто время нам диктует ритмы,
Предписав нам пляски без ума.
(И уем — при вспашке чернозема!)

Собрана уже библиотека
Праздных слов про эти «ритмы века»!
Что за вздор? В котором веке были
Квёлы эфиопские кадрили?

Ритмы Эфиопии и века!
Сих минут — и древнего ацтека!
И к столбу подъятой вами пыли
Я осла седого привязала,
Села при дороге, для контраста,
И (почти что из Екклезиаста!)
Я сказала: — Эти ритмы — были.

В наши дни, надеюсь, подзабыта?
Но была, к примеру, пляска Витта.
Дрожь кликуш, дергунчик на витрине...
Было нечто в опытах Гальвани...
И в смешном фарфоровом болване,
Заводном цветастом мандарине,
Что и днесь кивает на камине...

Ритмы века?
Разве настроенье
Только взрыв? И никогда — струенье?
Разве сердцу чаще нужно биться?
Самому избрав свое биенье,
Невозможно сердцу ошибиться.
Ритмы дум — неужто дум важнее?
Ритмы дел — неужто дел нужнее?

Не дозволит царственная Гея
Заменить Явление быстротою,
Чтобы вскоре, с тонкою усмешкой,
Объяснить безумство только спешкой,
А бесстыдство — только теснотою!

...Ритмы века?
Умственный калека,
И без «ритмов» скорый на решенья
(Не имея к веку отношенья),
Рушит мир. И ярим «ритмом века»
Объясняет подлость разрушенья.

Так раскопки тщились обновиться,
Новым откровением явиться.
Но отстали прочь — за вехой веха —
Лишними картонными носами...
И узнали мы, что ритмы века
Сами по себе, а люди — сами.

В мире вечном ритмы вечно те же:
Что ни век — не чаще и не реже.
И теперь не шибче. А, поди ты,
Шар земной грозят стрясти с орбиты!

«Ритмов века» узники и снобы
Всё кивают нам на небоскребы,
На мосты меж дальних побережий,
На ракеты... Ритмы-де не те же...
Те же. Только в колбе их сгустили,
Раздразнив, со ста цепей спустили, —
Хиросиму с корнем своротили.
Но Природы бережные звенья
Постепенны...

Вам, смерчи, самумы,
Да противуставят «тугодумы»
Быстрый разум. Медленное рвенье.

...Тише, сердце!
Тише, ослик!
Муза,
Тише, невесомая обуза!
Не лети ты к ритмам на съеденье!
Вспомни, вспомни, было нам виденье —
Ритмов и вещей несовпадение:
Мчал, не поспевая за свирелью,
Праздник звук... Вытягивалось тесто
Бывшего стремительного жеста.
Море оборачивалось мелью.
Средства оборачивались целью,
Цели — средством. Перец — карамелью.
Дождь юлою, поезд каруселью;
Множит вихри, скачет — а ни с места!
Сидень видел Рим, Бомбей, Камчатку...
Скороходы отсидели пятку...
В собственных обломках потонули
Опыты над истиной и мерой...

К счастью, это только сновиденье:
Не таким да будет пробужденье!

Динь-динь-динь...
Вперед, мой ослик серый! —
Мы за это время
Отдохнули.

1972 г.

* * *

Вокруг деревьев и домов
Стоят безветренные дни.
Мне раньше снилось много снов, —
Теперь не снятся мне они.

Но и в бессонницах порой
Народный снится мне герой,
Что в дольний мир по временам
Так запросто приходит к нам.

На протяжении лет и эр
В толпе готов ему удар.
Джон Браун был тому пример,
И Линкольн принял гибель в дар.
И Джон и Роберт обрели
Покой в довременном раю,
Чтоб за холмов грядой, вдали,
Дин Рид! — услышать песнь твою...

Рабочий класс!

Велик запас

Друзей-спасателей у нас.

Певцом Джо Хилл

Рабочим был,

Так что ж никто его не спас?

Взошел на небо Мартин Кинг,

Как голос по колоколам.

Но тем наглей, устроив ринг,

Возились крысы по углам...

Кругом деревьев и домов

Стоят безветренные дни.

Мне прежде снилось много снов —

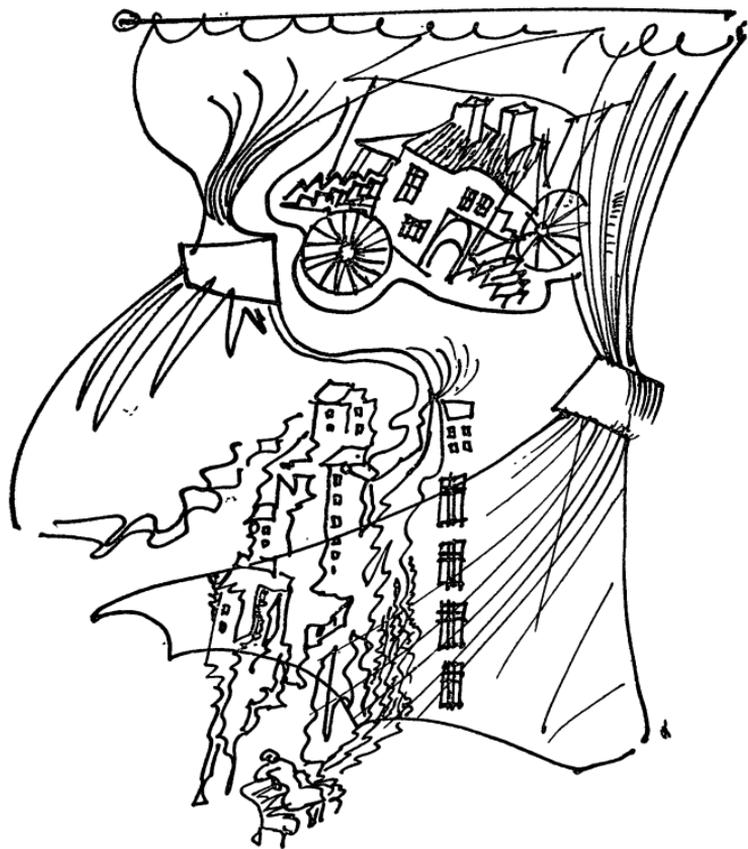
Не снятся больше мне они.

Но в том бессонном странном сне,

Где сад уснул и град уснул,

Герой народный снится мне,

И тот, кто в ров его столкнул.

Да. Вкруг заборов и ворот
Настала тишь да благодать.
Грабителей — невпроворот,
А вот героя — не видать.

Но и сквозь сон
И сквозь не-сон,
Сквозь ночи пасмурный заслон
Я снова слышу, как порой
По улице проходит он.

ТРУБКА МИРА

Вояки трубку мира — всю в рисунках,
Прекрасную! — зарыли в чаще леса,
А где — забыли. Только в росных лунках
Пар трепетал, без запаха и веса.

И пала с глаз их жалости «завеса»:
Зверь войн восстал, со шкуры комья грунтов
Страхнув, из недр, где — весть подземных бунтов —
Снег, дождь и пламя свищут из-под пресса...

Но жизнь свела с зачинщиками счеты:
Поля великой Вечной Неохоты
Их ждали. Страшных уж с одной досады,

Что за презренье к племени чужому
(Спесь, вероломство, зверств реестр тяжелый)
Им нет от Гитчи Манито награды.

РАСКРЕПОЩЕННОСТЬ

Ты говоришь: «Хочу дать сердцу волю;
Поддамся гневу, чванству, лени, страхам,
Пуд лишнего себе свершить позволю, —
Уж то-то будет лирика с размахом!»

Ты говоришь: «Раскрепощаю слово!
Ужимок не могу терпеть манерных!»
Но все ль «раскрепощенное» так ново,
Чтобы новее быть времен пещерных?

И вещи разве ты не видел жутче
«Паркетного манерничанья»? Боже!
Когда пожары и пивные путчи,
«Манерность» ни при чем, «паркетность» — тоже,
Зато «раскрепощенность» кажет рожи...

Знать к семге вкус, к себе грести руками
Еще никто за партой не учился.
А сдерживанью учатся веками.

Но мало с кем большой успех случился.

...В далекий путь певец пустился юным,
И мнил: «Зачем старик шарманку крутит?
И лирнику зачем бряцать по струнам?

Струну порвать! — вот то-то песня будет!»
Не чуя пальцев, он, в кулак сведенных,
Рыдал: «Поймите, сколь свободны все вы!»
И с кафедр, виноградом оплетенных,
Стада сатиров звал топтать посевы...

Как Дионисов грек, не то Аттила
Безумство проповедовал успешно.
Вернулся к ларам. ...Дух перехватило,
И шапку с головы стянул поспешно.
Богатым вышел он, вернулся нищим
И над могилами поник смущенный.

...А где-то там, над общим пепелищем,
Носился Ницше дух раскрепощенный...

ГИБЕЛЬ «ДАНАИ»

В 1985 году в Эрмитаже некто из расовой ненависти и зависти истребил знаменитую картину великого голландского живописца Рембрандта ван Рейна. В Данае (к которой согласно мифу должен был низойти в виде золотого дождя бог Зевс) Рембрандт изобразил свою жену Саскию.

Подняв ладонь, ждала Даная,
Что ливень хлынет золотой,
А ей в лицо (вот честь иная!)
Плеснули серной кислотой.

Не знали, маясь нищетой,
Ван Рейн и Саския больная,
Что и в веках грозит бедой
Им зависти чума двойная!

Все мнилось им: лучом бесплотным,
Как с неба гром, как с дуба листик,
Сам Зевс нисходит к ним в росе,

А к ним... расист в дожде кислотном
Валит! Сверхбездарь. Сверхфашистик.
«Сверхчеловек» — во всей красе!

УЛЫБКА ДЕЛЬФИНА

Да, улыбается дельфин. Улыбка эта
Скрывает под своей таинственностью дивной
Спор бдительного сна с тягучестью рассвета,
Сплав прямодушия — с хитринкою наивной.

В ней греческих богов немеркнувшее лето,
Непризнаванье зла, непониманье лжи в ней,
Но просьба и вопрос: извечный, беспрерывный,
Не замечающий, как долго нет ответа...

Доверчивость его жутка, страшна мне что-то.
Вот он играет в мяч... Яхтсмены и яхт-клубы
Следят, рукоплещая... (Они ведь не плохие!)

Но крикнуть хочется, едва лишь за ворота
В открытый океан он прыгнет и стихия
Его помчит на дно: «Не возвращайся, глупый!»

ПРОСТОДУШИЕ

Как мне вернуть тебя, о простодушие?
Ведь без тебя певцу певцом уж быть нельзя!
(Но и с тобой... — пусть ярче вдохновение,
Да притупленной слух, слабее зрение...)

Вот и гадай — когда певцу способнее
Носить венец из лавра и парнасских роз:
Когда душою прост? Но слеп и глух почти?
Или когда востёр? Премудр до глупости?

Как совмещать тебя, о простодушие,
С полезной зоркостью, с предосторожностью?
Спросить хотела я, проведать мнила я,
Но ты ушло, ушло... И не спросила я.

Не то пугливое, не то суровое,
Ты это иль не ты, а нечто новое?
Бежав, как заяц, прочь, — где ты находишься?
В каких полях на ястреба охотишься?

Есть, есть в людских сердцах
для чистоты приют,
Для простоты светлица есть.

Однако же
Как «чистым» быть тому, кому в лицо плюют?
Как быть простым тому, кто не дурак уже?!

Как мне вернуть тебя, о простодушие?
Прорвав колючки трав, открыть простор морской?
Как заглянуть мне снова в те бездонности,
Что недоступны взгляду умудренности?

Ах! — золотым стилем рука писать могла,
Живи я, лишь твоих подсказок слушаю...

ПРИСОЕДИНЯЯСЬ К СОЧУВСТВИЮ...

Заокеанских кинозвезд
Судьба — что говорить! — плачевна:
На поклоненья перехлест
Из глаз их стрелы прыщут гневно,

Высоких заработков рост
Их оскорбляет ежедневно.
Поэт скорбит об них душевно!
А выход? «Как мычанье», прост:

Сойти с экрана, с телевышки.
Жильцам лачуг раздать излишки.
Уж если слава так люта,

Вернуться к радостям забвенья.
И в то же самое мгновенье
Все станет на свои места!

КОМПЬЮТЕР

Не знали ни Эразм, ни Лютер,
Ни Лев Толстой на склоне дней
Того, что знает наш компьютер,
Поскольку он их всех умней.

О, сколько фактов, цифр, идей
(Смысл жизни, моря перламутр,
Свет горних сфер) взирает внутрь
Он в ненасытности своей!

«Кто лучше всех?» «Почем каракуль?» —
Тьмы высших истин наш оракул
Вдруг выложит нам до конца!

Но даже он нам дать не сможет
Того... чего в него НЕ ВЛОЖИТ
Рука лукавого жреца.

уют

Стихами, прозою ли, в устном разговоре —
Так модно клясть уют! И рваться наобум
(Как будто тянет кто силком за фалды!) в море,
В цунами, в ураган, в тайфун или в самум.

Но незаметно, чтобы кто-то, бросив чум,
Дворец или вертеп, — со здравым смыслом в ссоре, —
Добром пошел бы спать, как кошка, на заборе
И жить на площади, где вечно пыль да шум!

Да-с: все живут в домах, и дверки — на замочках.
Лишь Диоген да Гек-бродяга жили в бочках.
Но жарким очагом пренебрегал мудрец

Затем, что в Греции и так хороший климат,
А Гек не шел домой, боясь, что плохо примут:
«У-бью!» — грозил ему подвыпивший отец.

РИСУНКИ НА ВАЗАХ

1. Лягушечка

Просит ветер солнце красное:
«Не скрывайся в море синее!» —
«А я скроюсь, — молвит красное, —
А ты, ветер, не проси меня...»
 Под кустом сидит лягушечка,
 Ровно каменна игрушечка,
 Ровно малый сундучишечко —
 Кверху вскинута крышечка.
А роток у ней — до пояса,
А пришла она знакомиться.
Я хотела познакомиться,
Не успела подготовиться.

2. Побасенка

В подземельях старой Вятки
С крыс коты взимали взятки
Не парчой, не лисами,
А... самими крысами.
 Князь, увидев добрый знак
 В бескорыстии подобном
 (Не совсем для крыс удобном),
 Подарил котам... собак.
«Вот, ребята, вам собаки.
Но, однако ж, не для драки,
А для игр. И вместо слуг
Вам для всяческих услуг».
 Что ж... Собаки за котами,
 За своими господами
 Так и ходят с той поры;

Французской азбуки тебе блестит заря!
Одиннадцать мужей, с детьми, с горняшкой,
с бонной
Резвятся... Так почто ж ты злей чумы
бубонной?
Чужих успехов блеск тебя слепит? Ах, зря.
В дела чужие нос вонзивши на три фута,
Гляди: свои-то как запущены, Марфута!

5. Запятой

Сегодня на улице снова
Увидела я... Запятого!
Хвост кверху — по травке густой
Беспечно гулял Запятой.
И хвост у него — запятая,
И нос у него — запятая,
И уши как две запятые
И сам он такой
Запятой!
Теперь голубые тетрадки
Всегда у меня в беспорядке;
Где должен быть знак препинанья,
Похожий на этого пса,
Уж я не пишу запятую,
А эту собаку рисую.
На каждую строчку-другую
Уходит четыре часа!

6. Проблема влияния

Покуда мысль у вас не украдут,
Ей веса нипочем не придадут.
Добейтесь же, чтоб вас обворовали!
А впрочем... не признают вас и тут.

7. К некоторым коллегам, исполнителям песен

Нам говорят: в народ внедренные
Вы потому, что одаренные.
А может быть, наоборот? —
Вы потому и «одаренные»,
Что методически *внедренные*
Друзьями вашими — в народ?

Я верю в прочность вашу, братия!
И потому, включая радио,
Не сомневаюсь, что опять
(На том же месте заколдованном)
Звучать ваш голос будет снова нам.
А наш — не будет вам звучать.

8. * * *

Я леплю из пластилина.
(Пластилин нежней, чем глина.)
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак...

Если кукла выйдет плохо,
Назову ее Дуреха.
Если клоун выйдет плохо,
Назову его Дурак.
Подошли ко мне два брата,
Подошли и говорят:
«Разве кукла виновата?
Разве клоун виноват?
Ты их любишь маловато!
Ты их лепишь грубовато.
Ты сама же виновата,
А никто не виноват!»

Я леплю из пластилина,
А сама вздыхаю тяжко...
Я леплю из пластилина,
Приговариваю так:

— Если кукла выйдет плохо,
Назову ее Бедняжка.
Если клоун выйдет плохо,
Назову его: Бедняк.

9. Портниха и фабрикант

Памяти Чарлза Диккенса

...И вот он — фабрикант игрушек Стеклтон.
А вот портниха кукол Дженни Рен.
Пройдоху Стеклтона с портнихой кукол,
Конечно бы, и так никто не спутал:
У Дженни лучезарных, до колен,
Волос волна. Костыль. Запас чудачеств.
Да неустройство — бедности удел...
А Стеклтон — плут с охапкой гнусных качеств.

И все же нужен тут водораздел!
Все разное у них: нрав, голос, платье,
Карманные расходы, возраст, вид...
Но, думалось, у них одно занятие?
Игрушка! — вот что их объединит?
Как бы не так! Не знали до сих пор вы
В несхожести
Такой бездонной прорвы,
Как, с корнем истребляющий надежду,
Змеиный тот неодолимый ров,
От века разверзающийся между
Игрушечного дела мастеров!

Так вот вам — фабрикант игрушек Стеклтон!
И вот портниха кукол, Дженни Рен.
Чу! — тихо, тихо Дженни напевает,
Оборки к платьям кукол пришивает...
И вместе с ней не знают перемен
Иголка с нитками, лоскут батиста,
Наперсток, ножницы (в них блещет солнце швей).
Лишь вымыслом изменчив труд артиста.
Но неизменен в честности своей.

А Стеклтон? Фабрикант игрушек Стеклтон?
Он тут как тут (и весь его успех в том),
С прелестным эшафотиком в руках,
С опасенькой взрывчаточкой в кульках
Премиленьких: с машинкой-каруселью —
Чтоб испускать зловещее веселье,
Унынье, одиночество и страх.
Чтобы упали сумерки рассудка,
Где ни цветов, ни мельниц, ни ручья;
Чтоб Фантомаса нянчила малютка,
Игрушечную ведьму и Хрыча
Иль Гарпию. (О сэр, какая шутка!)

Детей родители учат
Игрушек своих не бояться:
На их шипы,
На их крючья,
В их когти не попадаться,
Но гаснет свет —

и крик несется из детской...

Вдруг... Цзынь! — орех раскалывает грецкий
Щелкунчик! Потеплели тени стен.
Заря приподнимается с колен
Затекших... Глянь: потоки света мчатся
С небес в долину!.. Утро. В дом стучатся.
— Кто там?
— Портниха кукол, Дженни Рен.

10. * * *

Ой, водоросли — волосы русалочного дна!
Они еще не выросли, а их сечет волна.
И ветры в лютой ненависти водоросли рвут,
И водоросли-недоросли больше не растут!
Они снуют и носятся... А на море зима.
Они на сушу просятся, как странники

в дома.

Волна их скоро вынесет, уложит на песок,
И вылечит,
И вынянчит,
И — снова унесет.

11. Заоблачность

1

— Усидишь ли на облака зыбком крыле,
Не нуждаясь в земном (то есть нашем) рубле?

— Не извольте кручиниться: я в эмпиреях
Заработаю больше, чем вы — на земле.

2

Не позволяют мне люди «витать в облаках»!
Кажется, слезешь, так станут носить на руках?
Как бы не так! Не сойду я на землю вторично:
Помню отлично о ваших, друзья, тумакках.

III

СОЗВЕЗДИЕ «ОВН»

...Спотыкаясь, вдаль бежит овца, —
Голова, как белый телефон;
Слуховая трубка с двух сторон
Правильного римского лица
И звонок — телефонный — бубенца,
Цзынь-аллэ, — монотонный, без конца...

Не одна овца бежит в гурте:
Лбы, копытца, тот же звон кругом —
Мчат в еще неполной темноте,
Полной красок, тающих тайком,
Улыбающихся в темноте
Красок, убегающих бегом
С пылью, с душным ветерком...

Впереди громада гор темна.
В стороне дымит пастуший стан;
Изнывая допоздна,
Песенный узор плетет зурна, —
Длинная мелодия слышна
Блеющих овечьих стран,
Древних, грезящих пастушьих
стран.

Где ущелий вечный перекур,
Где роенье облачных фигур,
Чудится: сквозь пыль и сквозь
прищур

Путникам пригрезилась она,
В стане стран — страна.

Дивная мелодия слышна
Блеющих овечьих стран,
Грезящих пастушьих стран, —
Тишиною, тьмой порождена...

Овцы — в гуще облачной, ночной
Мчатся... Страх берет их по одной!

(Страшно им и то, что не одни.)
Мчат, как непонятною бедой,
Древностью напуганы седой,
Из которой вырвались они,
Догоняющею темнотой
Настигаемые искони,
Накрываемые искони...

Облаков над миром океан
Замер, черный... Ноет лишь зурна:
Песня прорастает из зерна
Грусти, сквозь туман;
Песня блеющих овечьих стран,
Пламенеющих пастушьих стран!
Но, пустынею порождена,
Верь, ты не одна!

Не одна овца бежит: в гурте.
Не одна звезда огонь струит.
Не один пастух на высоте,
Опершись на посох свой, стоит.
Как бы мне за песнею поспеть?
Я ее давно мечтаю спеть,
Но не одному и не одним:

Всем народам — гимн!
Если песню петь привычка есть,
Где-то, значит, переключка есть;
За горами не одна страна,
Песня — не одна!

У старинных стад
Стойло не одно;
От созвездья Овн
Пыльным серебром
Льется их руно
Наподобье волн...

Если в чей-то лоб
только одного,
Древнего, как мир, царства
произвол
Вписан, — что с того?
Где был клином свет?

Стойла одного,
Царства одного
Не было и нет.
Истина и честь не для одного
Племени! — для всех справедливый
свет!

Стойла одного,
Царства одного
Не было и нет.

...Убегая вскачь да от волков,
От невидимых шагов и прыжков,
Добежит отара тем скорей
До серебряных дверей
Чистых родников.
Даже если спрятаны концы,
Обратится тайна в бубенцы,
Дабы взял наездник под уздцы
Пробудившуюся весть...
Тучи умолчаний
без следа
Разгони, Пастушьих Стран звезда!
Истину услышишь? Не беда:
Дай любому слово произнестъ.

Пусть по свету вскачь несут гонцы
Растревоженную весть!

Дай заговорить не только тем,
Кто и прежде не был нем,
А немым, молчащим до сих пор,
Дай заговорить!
Чтобы знать, где вор
И где абрек;
Чтоб тебя, звезда пастушьих гор,
Даже самый бедный человек
Мог благодарить!

...Вот и снова, как века назад,
Из созвездья Овн
Льется серебро овечьих стад
Наподобье волн.
Снова колокольчиков трезвон,
Разливаясь, тает здесь и там...
Овна лоб — как белый телефон.
Вечность — по пятам.

ПЯТНИСТАЯ ГИЕНА

Неприручаема и суверенна.
Но, хоть и впрямь ее дика природа,
Не стоит ни гроша, ни совершенна
Подобных тварей гордая свобода!

Ей не вредил никто: злость, месть, измена
Ей, попросту, как морю непогода,
Присущи! И, как фурия-колода,
Не знает благодарности гиена.

Но как же так?! Бывает по причине.
Божественной добро. А зло — по адской.
А тут — пробел? ...И жители пустыни,

Кидаясь ниц, дрожат, когда, ужасный,
Той псицы-кошки грянет смех дурацкий, —
Звук, никакой разгадке не подвластный.

РЕКА ИДЕТ...

Не факел от светильника зажгли,
Не к жару жар вплотную поднесли:
То, месяца небесного двойник,
Подводный месяц прячется в тростник.

Не вспыхнул алмазковый тайник,
Не сплетницы колеблется язык:
То отраженье месяца вдали
Качается, касается земли.

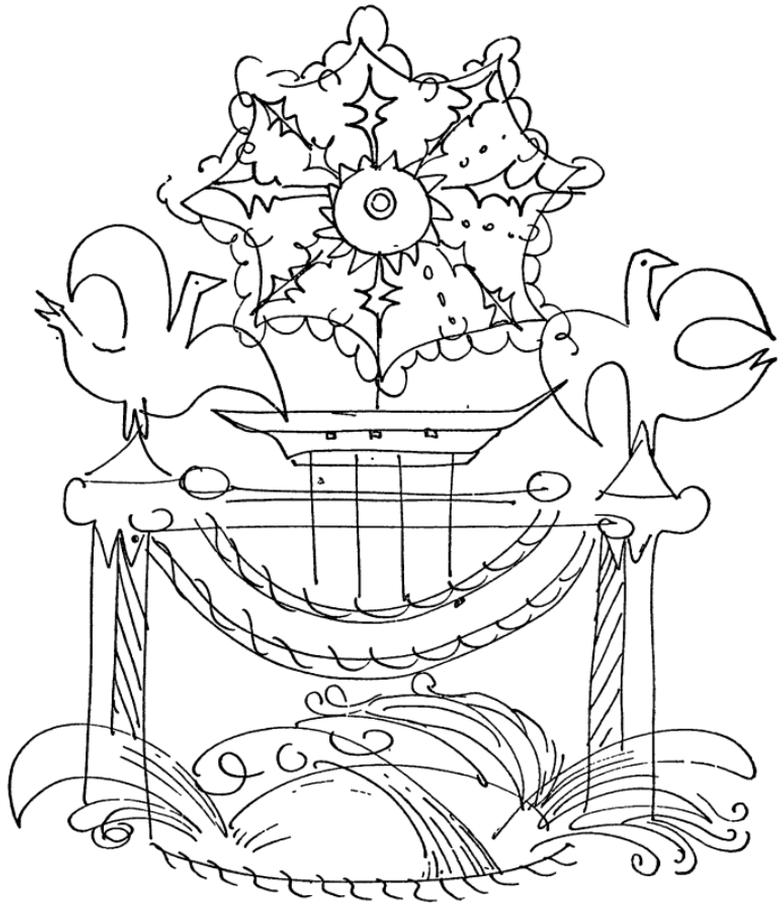
Не факельщики входят в темный зал,
Не сто жемчужин с нити кто снизал;
То луч луны к течению приник
И зыблется,
И сыплется в арык...

Стальных пластин он принимает вид,
Но нет! — не он бряцает и звучит;
Ведь даже и тогда, когда вокруг
Темно, — динь-динь! — мне слышен ясный
звук!

Ничьим устам светильник не задуть.
Но и впотьмах река свершает путь
И так же тихо пестует свои
Кувшинками цветущие струи...

Уж не восходит месяц из-за туч.
Но и во тьме
Стремнины ход могуч:
Река бредет с повязкой на глазах,
Но, как сове, все видно ей впотьмах.

И на рассвете
Двери всех дверей
Откроет тихо выход в море ей,
И солнце дня
(Всегда как в первый раз!)
Повязку снимет
С просиявших глаз.

ПЕСНЯ НА ХОЛМАХ

Конь при дороге траву щипал.
Ночь наступила —

и конь пропал...

Если пойдешь за конем вослед —
Скоро мелькнет за холмами свет.

Там разместился веселый стан,
Стан разместился бродяг-цыган.
Там, на холмах, под гитарный звон
Слышались песни былых времен.

Тропка по сумраку чуть вилась...
Издали,
издали чудилось:
В таборе том, в старых песнях тех
Не было слов, кроме «ах» да «эх».

Что же так тянет меня туда?
Что же так манит на дальний свет?
В сердце ведь нет у цыган стыда,
А рассудить —
так и сердца нет!

В темных глазах —
океана дно,
Вечные звезды
и вечный путь,
А на душе — лишь одно, одно:
Как бы последний твой грош стянуть!

Или бранят песнопевцев зря?
Зря облагают наветами?
Или приблизиться к ним нельзя
Даже совсем не поэтому?

Нет, не пойду я на дальний свет.
Встану — покину ковыльный рай...
Только, цыганочка, пой мне вслед,
Только позвонче, цыган, играй...

С ГОР ВЕТЕРОК...

Памяти Федерико Гарсиа Лорки

Эту мелодию
Слышу при входе я
В прибежище гор,
Где коридор
Волнами прорыт.

Эту мелодию
Слышу в народе я:
Слышатся в ней
Севиля, Гранада
И Мадрид.

С гор ветерок
Веет ночной.
Снизился зной.
Падает жар.
А под высокой
Стеной —
Тихий такой
Ропот гитар, —

Как дуновенье,
Как дуновенье...
Малагуэнья!
Малагуэнья!
Эту мелодию
Слышу в народе я...
Сердцу так много
Эта мелодия
Говорит!
В шелестах рош
Иди!

К праздничной
Площади:
Все еще где-то
Отблески света
Площадь хранит.

Алый кувшин, —
Белый жасмин.
Пестрой толпы
Темный загар...
А над толпой —
Голос один;
Сплавлены с ним
Струны гитар.

После погонь,
После расправ,
После клинка,
После свинца —
Он до сих пор
Так величав!
Надо спасти
Голос певца!

...Эту мелодию
Слышу в народе я:
Сердцу так много
Эта мелодия
Говорит...

Лето 1982 г.

ГОРОЖАНИН

Весь в облаках, весь в бликах, день апрельский
Кружётся в стеклах ясных глубине.
И пестрый кот (он так похож на гжельский
Кофейник!) высоко сидит в окне;

В кольцо хвоста, на жаркой быстрине
Лучей. Ловчее всех и гладкошерстней,
А зиму взаперти, без путешествий
Провел!.. И вот, готовый к ним вполне,

В земные и небесные просторы
Зверь любопытный смотрит из-за шторы.
И входят чередой в его зрачок

Вороньи гнезда, ливер «песья радость»,
Хор чердаков, горячих крыш покатошь,
Громоотвод, антенна, водосток...

НЕЯСНОЕ СТЕКЛО

(ВАЗА)

I.

И стеклодувы есть, и стеклодавы.
А то и оба типа чинят суд
Свой над сосудом. Видите тогда вы
Противоречье, вкравшееся тут.

В стекле вам хаос виден; змейский жгут
В прыгучем повороте — для расправы
Над Геркуланумом... В наплыве лавы
Сквозит багрец, конвульсии живут...

Два мастера в стекло так мутноглазо
Уставились, что мутной вышла ваза.
Как способ нов! А впрочем, сей Сезам

Открыт вторично. Разве Хиросима
Не плавала среди жара, трещин, дыма
В той стеклоплазме — с кровью пополам?

* * *

II.

Нет, не забыли мы, но помним и поныне,
Как чист был некогда кристалл из радуг-дуг!
Но так пугает нас хрусталь в ночной витрине,
Что мы, ускорив шаг, бежим под полог вьюг,

В ночь, под защиту тьмы... Так журавли на юг,
Сквозь тучу снежную, среди двойной пустыни —
Небесной и земной, — мчат, мчат... На тусклой

льдине

Страшась заночевать, внизу мелькнувшей вдруг...
Кто мастер ваш, — эй, вы, кувшины-кровопивцы?
Кто вазам в глотки вбил к жестокостям призывцы?
Кто в донца влил багрец? Грань тронул сулимой?

Кто грязи так искал и так нуждался в мути,
Что, — *смысл стекла* убив, яснейшего по СУТИ,
Добыл сомнительность из чистоты самой?!

ЭЛЕГИЯ

...Я и сам сегодня
Чтой-то стал нестойкий:
Не дойду до дому
С дружеской попойки.

Сергей Есенин

Вас толкать на пьянство, волокитство, —
Дескать, пей, гуляй, на то и стать, —
Умысел кровавого ехидства:
Уж какая «стать», когда не встать?!

А теперь про Вас воспоминанья:
«Пьяным видел там и пьяным сям...»
Вы любили
Изливать признанья
Тайно забавлявшимся «друзьям»!

Тем, что отказали наотрез Вам
В разуме. (Что им — во лбу звезда?!)
Будто Вас — в короткий век Ваш — трезвым
Не встречал никто и никогда!

А портреты? — ничего от хмеля,
Всё — от неба! (Видно, в оны дни
Только птицы Вас не проглядели,
Музы да фотографы одни!)

— Не дойду до дому... Эка жалость!
Вьюга все дороги замела...
Стало быть, никто не провожал Вас?
А попойка «дружеской» была!

Толки, толки... «Как жену чужую».
«Обнимать березку» — стыд и грех!
...Или вдаль не с той горы гляжу я?
Или вижу скрытое от всех?

Не сманить тому ничьей подруги,
Не пробиться да на твердый шлях,
Кто, один,
Среди полночной вьюги,
Обнимает дерево в полях.

СИНИЙ КОЛОС

Ах, никто еще не слышал,
Чтобы хлеб из моды вышел!

I

В синей рубашке да в рыжей кольчужке
Рос василек у забытой речушки.
По́ ветру, по́д гору поле ржаное
Пестрой поодаль сбегало волною.

Поле ржаное совсем одичало!
Да и не здесь его было начало;
Несколько тысяч колосьев — не поле;
Хвост распыленного войска. Не боле.

Между колосьями, спелыми с виду,
Были зеленые... Изредка в свиту
Вступит иной: спорыньевый, шафранный.

Изредка

Вдруг да воздвигнется

Странный

Колос неслыханный, — синего цвета!
Хлебный ли он? Да и колос ли это?!

Не от него ль на полях вечерело?

...Зелень пожухлая коричневела,
Лес надвигался настойчиво, тихо...
Холодно рдела по склону гречиха,
Между осоки сырыми ремнями
Капли со звяканьем кольца роняли.

II

Выйдя к волнам не своей чередою,
Тихо дрожал василек над водою.
Где ты скитался?
Какие печали
К речке тебя, сухопутный, пригнали?

Гей, не тебя ли — поутру, — бывало,
Первого солнце в полях узнавало?
Кто ж тебе, витязь, подкравшись по лугу,
Вздохом сырым обеззвучил кольчугу?

Кто тебя высушил? Кто обесцветил?
Кто для мучений твой венчик наметил?
Непропадающий, солнцепоклонный, —
Кто тебя проклял, цветок полуденный?

III

Не проклинали меня ни проселки,
Ни облаков золотые осколки,
Ни жеребят тихоструйные челки.

Колос тот, синий тот, с блеском железным,
С грозным, но ложным оттенком небесным,
Проклял меня и назвал бесполезным.

Колос!

Но полный не зерен, а козней!
Разве он лучше? — заранее поздний
Колос-нахлебник, чудовище пользы!

Сколь он печалей чужих ни умножит,
Сколько сердец ни убьет и ни съест,
Синего хлеба он выпечь не сможет.

Проклял судьбу мою хвощ водянистый,
Лживой осины румянец пятнистый, —
Пойманно-яркий румянец расплоха...
Мох — продолжение скучного вдоха.

Проклял меня в недоверии сиром
Корень слепой и подернутый сыром.
Елки меня, в повороте жестоком,
Прокляли — всем своим северным боком.
Проклял меня колокольчик картавый,
Толстой осоки язык шепелявый,
Листья купав над болотистой ямой.

Синего колоса шепот упрямый.

Изморось,
Шорох дождей приглушенный,
Слизень, на шорох дождей приглашенный,
Плесень и ржавчина осени пряной.
Синего колоса шепот упрямый.
Гриб ядовитый да въедливый самый.

Синего колоса шепот упрямый.

Но хоть и сказано: в мире чудес нет,
Тот василек прошлогодний
Воскреснет!
Даст ему солнышко новое платье!
С колоса хлебного
Снимет заклатье.

ЛАНДЫШ

1. Подобно лебедю...

Как лебедь прячет голову в крыло,
Так ландыш прячет в листья венчик дикий,
Чуть только май затеплит свет его
В сухой тени, где зелень земляники.

И там, где руку мне в ручье свело,
Где пух совы летает, в солнца блики
Вплывая, где, крутой, в сорочьем крике,
Обрыв шагам давался тяжело, —

Как я искала в детства куцах пестрых
Такую связку росяных наперстков!
Как если бы и всех грядущих лет
Моих судьба зависела с рожденья
От слабого душистого растенья
И от того, найду его иль нет.

2. Поиски

Как связка нот растительных, а с ней
Скрипичный ключ, поднявшийся несмело,
Он мог напомнить песню белوشвей,
В цветущих колокольчиках прострела

Закрепощенную; ничьих ушей
Еще не достигавшую; всецело
Пропавшую, как брошенное дело.
Но я ищу уже так много дней

Свой ландыш! Ну а вдруг — найду? На шею
Себе же? В доме теснота и копать:
Пристроить гостя — нет ни уголка!

Так, не его искала я, должно быть,
Приняв стиха растущего идею
За поиски далекого цветка.

3. Ландыш-белошвейка

Как девушка над рукодельем
И как чепец ее склоненный,
Так ландыш выглядит отдельным
И замкнутым в семье зеленой.

Тут налицо характер цельный.
Шелк белый. Ниток воз. Плоёный
Батист. Заказ определенный
И строгий срок работы сдельной.

У мастерицы сверхзадание.
Она боится опоздания,
Но вид у ней непроницаем.

Ждут полотна от девы где-то..
И заглянуть уж мы не чаем
В лицо ее к исходу лета.

РЕЧКА ВОРЯ

Ласточку воздух носит...
 В небе ее дорога.
У полукружий струйных
 зелено да полого.
Вот она, речка Воря!
 Сколько она ни льется,
А перелиться в море
 ей все равно придется.

Ах, проводить бы Вору к морю, начав сначала!
Только шагать за нею мне довелось так мало!
Мало мне в юны лета песен своих беспечных
След соловей славянский с низких кустов
приречных.

Но не забыть прогулку!
Старшей сестры подруги
Взяли меня с собою, — дали трещотку в руки;
Ручку трещотки крутишь — «музыка» раздаётся!
Всякий, кого ни встретишь, уши заткнув,
смеется...

Ах! — по лугам зеленым мы впятером
шагали,
Я и моя трещотка шествие замыкали.
Громко трещит трещотка! Весело нам на воле!
Уши заткнув, смеется редкий прохожий в поле.

Не удержала я лето
рукой за желтую гриву:

Легко дозволила где-то
За окоемами света
Кануть коню ретиву...
Но не забыть мне Вори,
 ясной и безобманной,
И той прогулки веселой
 с трещоткою деревянной!

В НОВЫЙ ВЕК...

В новый век нам шторма суть не главное:
Безотказны у нас корабли!
Потому-то старинные плаванья
Мне, как мука, на память пришли.

Моряков голоса добродушные,
Их морщин нераспутанных снасть,
Их глаза, провиденью послушные,
И к открытиям вечная страсть.

Их разлука сердечная с милыми
(Я о верных сердцах говорю),
Их надежда, что писана вилами
По зыбучему календарю...

Скрыла многих пучина упрямая,
Не дала им вернуться домой.
Так неужто и память их самая —
Только след, только след за кормой?!

Что ни день — корабли совершеннее,
Блещут поручни, как зеркала...
Но и пусть отступили крушения,
Я не верю, чтоб мука прошла.

Пусть надежда прекрасная сбудется
Для того, кто и нынче, бедняк,
Так же терпит, страдает и трудится,
Как безвестный старинный моряк!

Все, что ни есть, — кроме купола звездного,
Дебрей да гор, — синевлузыми создано.
Все, что на благо, — теснейшими узами
Связано с теми же Синими Блузами!

II

Ясно. А кто там, за ними?
Такие же,
Вроде, как все: не дофины, не гении.
Но по чванливости — прямо подкидыши
Елизаветы английской! Не менее!

Ах! По старанию в людях заранее
Видеть рабов и рабынь суеящихся, —
Прямо какие-то принцы в изгнании,
Переодетые в «бедных трудящихся»!

Горько змеятся уста их... Обижены
Чем-то они? Плохо деньги истратили?
Или... к жильцам покосившейся хижины
Завистью вспыхнули вилл обладатели?

Едко змеятся уста их... Ирония
Страшных могла бы казаться бездоннее
Водоворотов Мальстрема крутящихся
С гвалтом, — не будь она против... трудящихся

Тех же. Да нищих. Бесправных. Не будь она
Гордо направлена против «Анютина
Ока» в траве, против цуцика малого, —
Кто не сказал бы об ней: «Ювеналова»?!

Странно... Чего ж им для вечного праздника?
Книг, что ли, титульных с пышной фамилией?
(Чтобы хребет здоровенный лабазника
Как-то связать с королевскою лилией?)

Им бы портшезы! О, им бы искательство
Рикшей! Заливы под черными флагами...
Мнится: лишь «временные» обстоятельства
Их уравниали (слегка!) с работягами

Нынче... Но что, если там, под мазутами,
В коих они снизошли перепачкаться
(Вдруг в рок-н-ролле срываясь минутами),
Чистые Гайдны да Моцарты прячутся?

Полно! От века ни Гайдны, ни Моцарты
В сотнях не числились. В тоннах не мерились.
Гений ведь редок. И он не заботится,
Чтобы другие в себе разуверились.

С уничтожением творчество путая,
Вы уж не ждите (не будьте наивными!),
Чтобы к отверженным ненависть лютая
Вдруг разразилась шедеврами дивными!

Знайте вперед, присвоители гения
(Зря начитались Фрейда и Ницше вы!),
Гений не может расцвести из презрения
К людям, ему показавшимся «низшими»!

В руки не брав ни смычка, ни пера еще,
Уж не уйти вам закона извечного;
*Сущность художества
Не попирающая,
А выпрямляющая
Каждого встречного.*

III

...Чу! Озабоченны,
Сосредоточенны,
За недостроенными профсоюзами,
Видишь? Не видишь? — ступают рабочие.
Слышишь? Не слышишь? — идут синемлузые.

Так. Но за их одинокими стачками,
За беззащитными, в общем, бойкотами
Кто — с подстрекательством?
Кто там — с подначками?
С кровью испачканными
Банкнотами?!

Кто там, как тень на стене? Видишь: стал кивать...
Вот перестал кивать... Сложным предателем
Любит он с боссом рабочего сталкивать,
А безработного — с работодателем.

(С боссом — *своим свояком!* Вот умора-то!
С работодателем, — зятем-наследником!)

Люди окраин!
Рабочие города!
Думайте сами!
Не верьте посредникам!

Слышите? Фьють! И они — репортерами
Жалостно взвыли над шквальной глубию
Радиоволн, непогожими хорами;

«Хлебушка — бедным! Хвала миролюбиво!»

Фьють! — а уж сами-то, в неугомонности
Кровопускательской, смотрят, как вороны,
Чтоб не достигли бы
Договоренности
Впрямь — договаривающиеся стороны!

Чтобы в бифштекс

воробьиные отруби

Не превратились по их недосмотру бы;

Чтобы для маленьких нищих

Волшебное

Так и не выросло дерево хлебное!

Ибо, от голода ставшие старыми,
Детки сгодятся для снимков! Которыми
Взмахивать можно размахами ярыми,

Пуше вздувая пожар за пожарами,
Яростней множа — террор за террорами!
...Оборотнем в перевернутом комиксе
Скачет Посредник, то сильным, то париям
Уподобляясь; то свищущей помесью
Миллиардера-дельца с... карбонарием!
Автором, в нужды рабочих вникающим,
Дабы (их кровью!) писать о них повести;
Лидером! Поезд с откоса пускающим
В «пользу» того, кто находится... в поезде!
Вот — вундеркинд,
Вот — опять «камарадо» он...
То он банкир, то борец за униженных...
А результатом? — он первый обрадован:
Это ОПЯТЬ поджигательство в *хижинах*,
А не в дворцах богачей-привередников,
Чутче хранимых, чем арфы эоловы...

Словом, как сказано, бойтесь Посредников:
Думайте сами! На то у вас головы.

...Проще простого: втереться в доверие
К бедным. Втянуть в межусобицы жесткие...
Только б не знали — за чью фанаберию
Мстят. И за чьи капиталы громоздкие
Гибнут. Чего из рабочих ни делают! —
Ширмы, орудия, факелы, жупелы...
Полно! Не будьте игрушками демонов:
Сами возьмите судьбу свою в руки вы!
Если уж я упустила права свои,
С хлебом и с маслом опростоволосилась
(То бишь не сразу в одежде промасленной
В адское пекло за ситником бросилась), —
Что мне «заступников» ложь сумасшедшая?
Что мне «защита» их, прямо приведшая

В прорву *меня*, но отнюдь не защитника?
Дайте не мне, а защитнику ситника,

Взрывоопасного столь и грозящего
Всем, кто до хлеба такого охочие!

Бойся дельца и дары приносящего.
Бойтесь Посредников, братья-рабочие!

IV

Вижу сквозь дни и провижу сквозь ночи я
(Гляну ль за Тибр, за пролив Лаперуза я):
Мерно шагают рабочие.
Мирно идут синемблузые.

К ним причисляю крестьянина в поле я, —
Всех, утружденных не меньше, а более
Прочих... А что ж? Вот и мы поразмыслили,
Да и себя к синемблузым причислили.

Фебовы слуги, — какими бы ни были,
Не для своей лишь работаем прибыли.
Бредим не золотом мы, не элитой —
Мы справедливости бредим защитой.

Не повторением формул затверженных,
Но откровением в пользу отверженных.
Искрой участия, в хламе подобранной,
Восстановлением истины поправной.

Пусть наши мысли бедны. Пусть не многие
В мире желают большого полета им.
Что ж! — не для славы в дороги далекие
Вышли мы. Значит, еще поробуем.

Мы поработаем! Мы равноправными
Всех назовем! (О, пардон; за изъятием
Тех, кто упал до презрения к братьям!)
И, дорожа откровеньями давними,

Ранними (жаль, воплощеньями поздними!),
С дрожью пройдя сквозь тошнотные тайности,
Мы за опознанных и неопознанных,
За погребенных на дне —
Расквитаемся!

За палачизма кровавость отвратную!
За Дина Рида в волнах, столь неожиданную,
Гибель! (Для загнанной жертвы — понятную,
Но для пловца безупречного — странную!)

Небытия за отрогами дикими
Кинга — вернуть ли нам? Хилла — догнать ли нам?
Но не дозволим считаться «великими»
Мы их убийцам! Их грязным предателям!

Искру величия вряд ли отыщем мы
В темных фигурах застеночной удали,
Что безоружных лягали ножищами,
А перед дулами... вдруг передумали.

Редки удачи у нас. Но сорвавшихся,
А не оставленных здорово робостью,
С разума сбившихся,

бед навидавшихся,

Нехотя черной Гекате поддавшихся,
Все-таки... вдруг да удержим над пропастью?

Будем работать. Не будем печалиться.

Если же вновь «ненароком» навалится
Денежный тюк, мироед, к нам на город и
Пашню; и швом золоченым осклабится

(Там, где улыбка, — немножко распоротым),

Что ж... Нам останется с прерванной фразою,
С новой заботою стать перед музою...

Многие видят ее
синеглазою.
Редкие видят ее
Синеблузою.

v

Небо над миром как синее поल्या.
Окленд, Манчестер, Париж, Андалузия...
С дальней дали, за волнами и долами
Вижу знакомые синие блузы я.

Льнут к ним опять адвокаты смердящие, —
Сей первоцвет беззаконий (расправиться
С нами, поэтами, ТОЖЕ хотящие,
Если стихи, например, не понравятся.
 Не почему-нибудь там, а *поэтому*,
 Зоркость поймав на себе их тюремную,
 Мы имена их пустили заведомо
 В почту морскую и в почту наземную).
Кто ж там опять?
Это снова — газетчики!
Грязновалютчики, псевдосоветчики,
Всякий кордон размывая до времени,
Лезут и лезут к рабочему племени...
 Вам не сыскать проходимцев лукавее;
 Сплошь в манифестах... Улыбках... Авариях...
 Полно! Тому, кто отверг РАВНОПРАВИЕ,
 Нехорошо о правах разговаривать.
Ежели *вправду* рабочий нуждается,
Редкий ему подсобить догадается.
Если же досыта он наедается,
Всяк поддержать его с криком кидается!
 (Были б кормильцы, а голод приложится
 Вскоре!)

...Но толпы на улицах
множатся...

Кто там еще?
Не к чему комментарии:
Это опять-таки мы. Пролетарии.

Взгляд наш такой:
Все народы,
Все нации,
Сколько их есть, — преисполнены грации,
Блеска, заслуг, совершенств!

Но не жреческих,
диких, а — слышишь ли ты? — человеческих.

Мы поневоле в глашатаи главного
Вышли! На склоне столетья капризного
(Вот так пассаж!) довелось
РАВНОПРАВНОГО

Нам человека отстаивать сызнава.

И потому, — прожекторы старинные, —
Взяв за основу озера гусиные,
Льдистые реки, небесные пастбища,
Даже тогда, когда блузы не синие,
Мы все равно синемблузами кажемся.

Волосы черные, светлые ль, медные,
Вьются иль прямы, седые иль русые? —
Мы и на видных местах
Незаметные.

Мы и на высших постах
Синемблузые.

Так и останемся: Блузами Синими.
Зряшны об нас представленья кургузые!
Кем бы мы ни были,
Что ни носили бы,
Что б мы ни делали,
Мы — синемблузые.

IV

СИНЕЕ МОРЕ..

Поэту Ивану Киуру

Синее море — белая пена;
Бурных волн бесконечная смена...

Ходят у ног моих травы плавучие,
Крабы корявые, рыбы колючие,
А надо мной

летят

Мои любимые,
Ветром гонимые, чайки морей.

Что ты скрываешь за горизонтом,
Море синее, в мареве желтом?

Знаю: за той чертой,
За поволокою,
За волоокою

Далью далекою, —
Знаю: за той чертой

Вечно чудесные,
Мне неизвестные страны лежат.

В зарослях темных райские птицы
Там горят, как лучи сквозь ресницы!

Там по побережью дружную парюю
Ходят рядком какаду с кукобаррою.

А за утесами
Там носом к носу мы
Можем столкнуться порой
С утконосами.

(В дюнах, под солнца
лучами раскосыми.

А за лианами
Переплетенными
Там водопады стоят

веретенами...

Ветер травой шумит, равнина тянется...
Там кенгуру пробежит и — оглянется!..

Синее море,
Белая пена,
Бурных волн бесконечная смена...

Знаю, за той
 Чертой
Вечно
 Чудесные,
Мне неизвестные страны
 лежат.

ПРЕРИИ

Мечталось мне, что в прерию художник
Приплыл когда-то из далеких стран;
Для дивной суши далее невозможных
Пересекал он влаги океан.
Он видел мир в его прекрасном целом.
Меня же, с широтой его в связи,
Брал страх, что не заметит между делом
Он стебелька, растущего вблизи.

Пришел когда-то в прерию ботаник.
Его простор не интересовал.
Но — к зелени от зелени посланник —
Малейший лист он там зарисовал.
А мне опять же было жаль смертельно,
Что он забыть вселенную готов,
Что человек берет цветок отдельно
От мира — прародителя цветов.

Но голос некий, тусклый и расхожий,
Напоминал мне в продолженье дня,
Что прерий больше нет, былинок — тоже
И снят вопрос, мол, трудный для меня.
— Вот, — говорил мне голос в довершенье, —
Тебе и утешение, глядишь!
Но я опять не знала утешенья.

На человека, брат, не угодишь!

Океан,
Океан их принял вежливо
И задвинул за ними свой засов
(Да, свой засов),
И пошли на дно,
Пошли на дно
Пять пар
Сапог
И пять пар
Усов,
 Усов,
 Усов,
 Усов...
(Э-гей!)
И пять пар усов, усов, усов,
 усов...

И надломятся мачты горделивые,
И пробьется на палубе трава...
Вот что значит — поступки некрасивые
И безбожные глупые слова!
(Э-гей!)
И безбожные глупые слова.

Не помрут, так другим могилу выроют:
Пусть несутся их души к праотцам!
Но романтику они символизируют, —
Уж хоть за это спасибо подлецам!

ЯЗЫК ДЕТСТВА

В детстве я встретила слово «зияние»,
Камнезвещающее, точно змея:
«Бездны зияли». Так это ж «сияние»!
«Бездны сияли!» — подумала я.

Дальше я встретила слово «нисходит»;
«С высей нисходит...» Вот снова секрет!
Все-таки «сходит» он или «не сходит»?
Пусть он решается: да или нет?

Дальше узнала я слово «дерзание».
Эх, не считайте другого глупцом!
Если содержите в планах «терзание»,
Так и скажите! И дело с концом.

Не Микронезия, а Мокронезия!
В воде, в воде! А еще? Нигде.
Была в ней пронизывающая поэзия
Галоши, плавающей в воде.

...Идет усыпляющий дождь тропический,
Зигзаг прилива бежит впотьмах,
Молния
Картою географической
В черных показывается небесах.

Вижу несчетные грады и веси я,
Шапки магнолий, как сахарный снег...
Мокрые пальмы скрипят: «Мокронезия...»,
Вторит им гром: «Нантакет...»,
«Бробдингнег...»

И годы шли.
Исправленья законные
Принял учтиво мой скромный язык:
Молча словечки отверг неученые
И от неправильностей отвык.

* * *

В те дни, как небожители с высот
Неслись, подобно горному потоку
(В руках тимпаны, цитры, дикий мед),
На праздник, в дол, богиней Флорой к сроку

Разубранный, — тут прыгал, где-то сбоку,
И козлоног, — тот мелкий скотовод,
Что лишней краской в общий холст войдет,
Но, сколько бы ни сеял флирт и склоку,

Не станет в центр и не возглавит пир.
А ты, Копытин, в опусах своих
Лишь похождениям логику усвоив,

Скажи, на кой нам в лирике — Сатир?
Коль скоро нет в ней прочих? Да каких! —
Самих богов, полубогов, героев...

ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ

— Музыка для всех...
— А музыкальные школы?

(Из подслушанного случайно,
в толпе)

1. Сонет прозаический

Ребенок лет пяти бряцает на кефаре,
Которую Орфей использовал в аду,
На старых глюковских органах лучших паре.
И не в какую-то пастушью там дуду

Дудит (в пустых сенцах, на сельском холоду?).
Нет-с! Правь равнение на скрипку Страдивари!
Но я, пока, в реклам горячечном угаре,
Газеты празднуют его судьбу-звезду,

Не любопытствую: кто он такой? Готовый
Сальери-скрупулез? иль вправду Моцарт новый?
Педагогичен лавр иль нет над молодцом?

Иные что-то все мне лезут в мысль моменты:
Где крошка раздобыл такие инструменты?
И сколько выручки у матушки с отцом?

2. «Пока трава растет...»

Пока трава растет, хилая лошадь
может околеть.

(Английская пословица)

Пока, подобные зевающим тридакнам,
Спят сонмы секретарш на дне бегучих дней;
Пока трава растет; пока держал редактор
В столе «Историю неравенства детей»

И обо всем, что в свет мешает выйти ей
(Таким, как «ряд причин» и «объективный фактор»), —
Пока он созидал отписок полный трактор
(Про аэробику дав тысячу статей);

Пока он размышлял: давать ли «Разнотравье»,
Но прятал в сейф трактат «Ребячье равноправье»
И «Музыку для всех», — еще сто тридцать школ

Открылось барчукам для игр на клавесине
(Стекло, керамика, свет, воздух, мрамор синий),
А сын уборщицы в них снова не вошел.

3. Перевертыши

Синичка-невеличка испугалась
мальчика. Это на него хорошо по-
действовало. ...Я не скажу ничего
нового — страх должен быть из-
гнан из мира ребенка.

(Георгий Данилов.
«Не убить бы Моцарта». —
«Смена», 1986, № 8)

Зачем так говорить, что в страхе дети чьи-то?
Пред ними классный мэтр от ужаса чуть жив.
И надо ль «птичку» страшить их нарочито,
Рогаткой против птиц вперед вооружив?

Вот вырастет сынок и, камень заложив
За пазуху (а пасть — величиной с корыто!),
«Не будешь впредь крылат!» — возопиет сердито,
Гнездо крапивника булыжником расшив.

Но страх, как следствие бесчинных дел, при нем
Так и останется. (Помеченный тем днем,
Когда вписали мы парнишку в сорт особый.)

Да. Тщетно из него растили храбреца,
Все та же трусость в нем пребудет до конца, —
Вещь, нераздельная с жестокостью и злобой.

4. Детство золотое и детство медное

Внушала музыка мальцу отврат предельный,
Хоть по рукам его за то бивали строго.
Но в доме жил рояль, ребенка враг смертельный,
И, как ты ни вертись, а всякая дорога

К нему вела, к нему! А там — на канительный
Помост искусств... (Прощай, футбол, торговля, йога
И ярый каратэ! Здоровы будьте много,
А я лечу на блеск известности поддельной!)

И вот уж новый Лист летает на гастроли...
А мне все помнится картинка: двери в школе
Полуотворены. За партами детишки,

А в класс подглядывает с улицы украдкой...
Кто ты?! Мне не забыть тебя, утенок «гадкий»!
Тех чинных лапотков, той важной взрослой
стрижки...

СТРАННИЦА

Морозит. Рябина сладка. Убор ее желт и тяжел.
Узор у старухи с платка на кисти рябин перешел.
И крестит старуха зевок, неся сквозь серебряный свет
Зеленых грибов кузовок и жестких ромашек букет.

В морщинах старушьего лба заботы и горести спят.
И узко на ней, как труба, в «горошину» платье до пят.
Ромашки зажала в кулак и держит их прямо, как флаг.
И пахнет старухин рукав лекарственной сухостью трав.

Не чаяла я — в тишине восхода, в хрустальную стынть, —
Что странница встретится мне среди просветленных
пустынь!

Что в сердце надежду волюют лучи восходящего дня.
Что жизни ее неуют — уютom мелькнет для меня.

НА ЧЕСТВОВАНИЕ СОНЕТА

Давно ли, старый друг Четырнадцатистрочник,
Мы вдаль с тобой брели под пыли пеленой?
И ты на замо́к свой глядел, король-заочник,
Из-за наружных рвов за крепостной стеной!

И мог пристать к тебе по прихоти шальной,
И за нос дернуть нас любой прохожий склочник,
И щебнем завалить, кривляясь, тот источник,
Откуда черпали мы воду в летний зной...

И что ж? Ты вознесен! Твоей воскресшей славе
Ведь, кажется, и я порадоваться вправе?
Пусть там, где праздник твой, меня сегодня нет,

Но я, как преданный, бессрочный, твой придворный,
Что был слугой тебе в изгнанья день твой черный,
Кричу издалека: «Да здравствует сонет!»

КАПРИЧЧИО

У врат железных ночи,
Тяжелых ворот дозорных —
Волнующееся море
Пантер несметных, черных.
Изгибы их, о, извивы!
Приливы их и отливы...

То низко припадают,
То выпрямятся пружинно...
Враскачку,
Вприскачку
Танцующая дружина.
Они как змеи с ногами!
О них легенды слагали...

В шпарящих лилиях зевов
Пары малиновой серы...
Цербера образ — не сделан ли
Из ползающей пантеры,
На подступах к вещим дарам,
Шипя, опекающей храм?

Железо ворот просвечивает
Сквозь их прыжки неясно...
К воротам, к железу ночи
Притрагиваться — страшно!
Боюсь пантерьера хора,
Страшусь их белого взора!

Привратника-то не дождешься
С его фонарем остывшим:
Подумаешь поневоле
О нем, ворчливо острившем
Веками уже! — спросонок.

Невинном, как ребенок,
И старом — уже веками...

Приходит мысль о Дункане:
О крови его, пролитой
Под верной стражи защитой
(Хоть не было, например,
В Дункановом замке — пантер)...

Пантеры — чернее сажи, —
Всё пляшут...
О, их пассажи!
Гримас (и в пляске — брюзгливых)
Сквозь ночь летучие знаки;
Цепей незримых
 во мраке
Обманчивая длина
И страшных глаз белизна!

В пятнышках ночи облачной
Прыжки их — черные обручи...
Взлетев, клыками наточенными
Себя за хвосты хватают они;
На сером железе ночи —
 Кольцо в кольцо —
Пролетают они
С размаха...

Мнится: уж не снести
Мне больше ни крошки страха!
Но... Это всего лишь кусты
Ночные! И ветер холодный,
Осенний,
Свободный,
Свежестью благородный —
 Порывами из темноты...

Кажется: не снести
Мне больше ни капли жути!
Но... это всего лишь кусты
По сути! — гибкие прутья;
Прогнутья их
и разогнутья,
А не хвосты, не хребты!

Железа ночи не бойся.
Завеса ночи — не больше,
Как тьма, неровно-кромешная,
Как роща, в тьме непромешанная...

Не жди другого кого-то:
Иди и открой ворота.
В мелькании ветра нашаря
Тайный нажим на шаре,
Цепь разомкни, —
Входи;
Дункана предупреди!..

ИЗ «СОНЕТОВ ГАМЛЕТУ»

I

Смерть Гамлета — всю кожу бы до мяса
Посодрала! — когда бы между терний
Горацио не реял плащ вечерний,
Когда б ни встало утро Фортинбраса.

И жизнь и смерть несомны в равной мере.
Но, тихий, заговаривая горе,
Горацио стоит на косогоре...
И Фортинбрас, прозрев, разносит двери...

Воистину велик могучий трагик
Не потому, что страсти в душах будит,
А потому, что лбы ладонью студит,
Что белые послам вручает флаги,

И, в полутьме, над раненою сказкой
Склоняется с прохладною повязкой.

II

Дух

Отец твой умер, Гамлет. Но, как дух,
Живым глазам земного очевидца
Во всеоружье может он явиться.
А значит, край, где бродит он, не глух;

Туда доходит звук твоих шагов,
Тень дум твоих... Но против этих правил
Страна, куда ты сам сойти готов,
Куда — гонцом — Полония отправил.

Ты видишь духов, слышишь их слова,
И все-таки... не веришь в мире загробный.
Так, может быть, загробных мира — два?
В одном не спят, другой — для снов удобный?

Бессонный — для убитых королей
И непробудный — для тоски твоей.

III

Елизавета и Шекспир

Когда починут, грешный мир отринув,
Монархи, вознесенные судьбой,
Нам остаются кости властелинов:
Бездушный прах, такой же, как любой.

Покуда мир становится товаром
Других купцов, какие понаглей,
Благодаря — фактически! — фиглярам
Мы (если помним) — помним королей.

По милости бродячего актера
О дальнем веке столько разговора,
Что в тьме времен теперь светло, как днем!

Клянусь Шекспиром и Елизаветой:
Не он писал при королеве этой,
А королева правила — при нем.

1964 г.

* * *

Нежнее тумана речного, но тверже кремня,
Меняясь, как свет, в продолжение долгого дня,
В окошко мансарды вперяя рисунок растительный,

Чудесною, странной береза глазам предстает!
Но, может быть, глаз мой всему эту дымку дает?
А ну — подглядеть: какова она в жизни
действительной?

Я дымку мечтаний с березы силком согнала,
Вгляделась рассудочно-трезво, как только могла,
И что же? Напрасной суровая мера была:
Вне дымки
Береза
Предстала... еще удивительней!

ВЬЮНОК

Ах же ты, вьюнок, ты вьюнок, ты вьюнок!
И кого же ты не перепутаешь, не обовьешь?
Иван Киуру

Люблю вьюнок!
Он тих и тонок,
И грациозен, и смышлен.
Неутомимый постреленок —
Всегда приплясывает он!

Кругом двора и там, где школа,
Он пробегает, вечно юн...
Калитка — арфою Эола,
Цветы — как звуки между струн.

Вот пробирается по прутьям
Решетки сада, — явно рад
Своим путям, и перепутьям,
И возвращениям назад.

Вот вроде падает для вида...
Но, до земли не долетев,
Зацепку сплел!..
(Семирамида
Была бы рада, поглядев!)

Люблю вьюнок!
Ищу предлога
Воспеть его я с давних лет;
В нем непоседливости много,
А надоедливости нет.

НА «УНДИНУ», ОПЕРУ ГОФМАНА

Чтоб музыка невзгод и приключений,
Мэтр, Ваша проникать могла в сердца,
Неужто нужен слушательский гений,
Ответно-встречный гению творца?

Не нужен? Ну так был же! Ведь конца
Восторгам не было! Единство мнений
Не допускало изменных сомнений
В заслуженности Вашего венца.

Так что же вдруг стряслось? Кто, кто, маэстро,
«Ундину» Вашу вывел из реестра?
Или... зачем не сразу став вредна,

Она в «бездарность» впала — лишь с годами?
Кто скрыл ее? Чтоб мы не смели сами
Судить: плоха ли, хороша ль она?!!

v

ОСТАЕТСЯ ДОБАВИТЬ...

* * *

1

Когда моим простым хорейм
Ученость книжну ставят в счет,
В мою защиту (шиш злодеям!)
Мое невежество встает.

Да как же может зваться тот
И книжником, и фарисеем,
И просто даже книгоцеем,
Чья норма — строчка через год?

Мой выбор чтения слишком сдержан:
Не до закниживанья тут!
Нелюбопытство — вот мой стержень.
А книжность, качество зануд,

Ищите не в литературе,
А ближе: в собственной натуре.

2. «Книжность»

«Веселый Бомарше», «Торквато величавый»,
«Суровый Дант», Гомер, Глюк, Моцарт, Апулей,
Вержье, Парни, Грекур, Шенье, Назон, Орфей,
«Фернейский злой крикун» Вольтер... Эрот кудрявый,

Мом, Феб, Анакреонт, Эол... Страна теней
Эллизиум... Плутон. Парнас. Пифон кровавый.
...Сталь, Дидерот, Руссо... В красе и силе всей
Весь восемнадцатый с его задорной славой...

Фонвизин. Дон Гуан. Баян. Лорд Байрон. Во —
Литературщина! Во — светопреставленьё!
Сам Пушкин (дожили ведь братцы, до чего?)
К другим писателям пошел на иждивеньё!

Грех, батюшка, от книг. «А чтобы зло пресечь»,
Так надо бы «собрать все книги, да и сжечь»!

3. Проволочный скворец

За нелакейство чувств — «литературным»
Прсслыв, преодолеешь ли когда
Наветы, стих мой? К тогам и котурнам
Отброшен ты на долгие года.

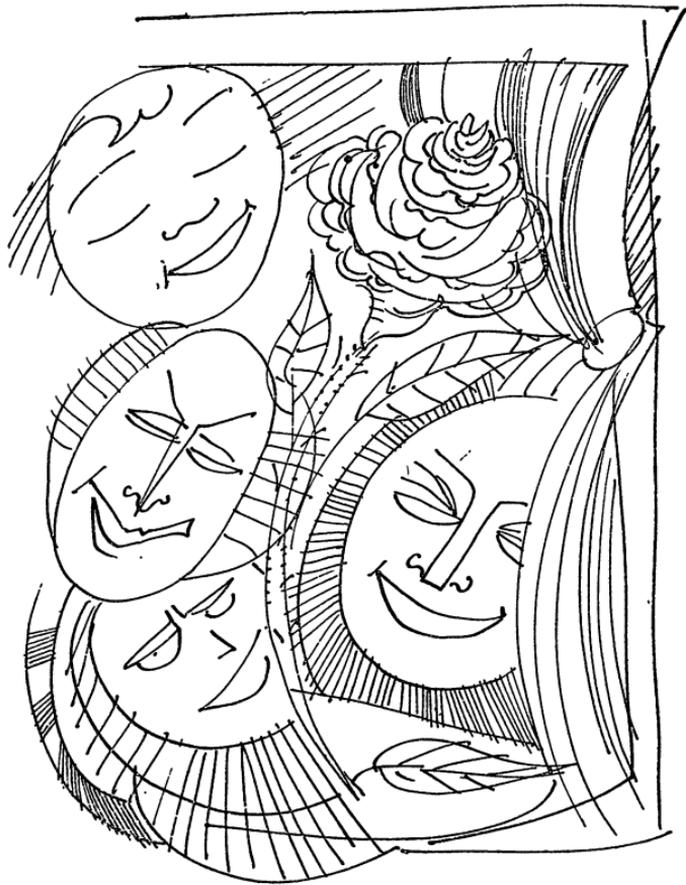
И кем! Как раз картонным (вот беда!)
Каркасным, как бы вовсе бесфактурным,
Скворцом! Аранжировщиком ажурным,
Составленным из хитрости и льда;

Слепым копировальщиком: арбитром,
Чья рыба кровь искусственности литром
Разведена; кто видит не предмет,

А тень его, сто тридцать третью сразу;
Кто перехватчив на чужую фразу,
Но в ком самостоятельности нет.

4. Остается добавить...

Как непрозрачность волн (где столько крокодилов,
Что к ним невольно был прикован много лет
Настороженный взгляд, — от илистых настилов
Неотрываемый, хоть в этом толку нет,

Когда твой свайный дом защитой не одет),
Так наблюдала я подводный ход зоилов;
Их очи слезные среди камней унылых,
Их наставительность, набегом новых бед

Грозившую... А там, передо мною прямо,
Бесценной выделкой блестя, как башня храма,
Стояла Критика — праматерь всех наук!

Глаз на нее не смев поднять, могла ли знать я,
Что виснет и на ней напраслины проклятье?
Ведь та же фауна и та же хлябь вокруг...

СОЧИНИТЕЛЬНИЦЫ

Их ждали все дома́ и все камины,
А все людские кланы — обижали.
И сколько я их помню, все коринны
Весь век свой от кого-нибудь бежали.

И ноги их, как тех волчиц, кормили,
И руки их вдоль туловищ лежали,
И пальцы — столько раз! — они разжали,
И перья (пишущие!) уронили,

Как лебедь в море, — столько раз!.. Куда ж вы?
Не к детям? — Нет. Детей не завели мы,
Не то весь мир, в кустах засев, расправой

Грозил бы им. Нам дети — книги наши:
Пусть хоть они к друзьям (от бедствий славой
Отгородясь), придут, неуязвимы.

МАЙ

Те же и дымка и тучи. Тех же дождей перемотка.
Липа и вяз расцветают вслед за ольхой околотка.
Сколько сережек цветущих! Связками, райскою паклей...
Каждая связка отдельной цельной застегнута
капель,

В желтом пуху узнаванья, в золоте неузнаванья,
Капель, как ценной застёжкой, схвачена
у основанья.
А на морщинистой, старой, серой коре тополёвой
Пачкой, пучком просияли выскочки зелени новой.

Что ж, если дождь — вхолостую?
Надо снести его храбро.
Точно стекляшку простую, если внутри у ней — амбра,
Если внутри его — зелень, — дождь я и тот принимаю,
Дождь обгоняющим взглядом, радующимся маю.

Короток — жаль, что недолог! — май. Произнестъ
не посмеешь.
Под зеленеющий полог даже ступить не успеешь.
И прихотлив и причудлив неба изменчивый норов.
Светлая зелень темнеет даже от пристальных
взоров.

Короток май, недолог. Чистый досуг между делом!
Пусть же из беглых обмолвок сложится песенка
в целом!
Мысли цветущему шуму вверив, иди,
не спеши ты...
Дни отпечатают думу, точно гравюру — самшиты.

Вот пронесутся недели, зимние бури нагрянут,
Птицы в ветвях над тобою петь и скакать
перестанут.
Дай устояться решеньям. Листьев рукою касайся.
Отдыхом и утешеньем на зиму впрок запасайся.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Избранник муз в домах торговых редок, —
Поэзии банкирство не к лицу.
Герр ростовщик почти нормальный предок
Кому угодно. Только не певцу.

Но если род, столь преданный Тельцу,
Вдруг Ориона выдаст напоследок;
Но если — против чаянья, вот эдак, —
В цепи предлинной, где делец к дельцу,

Смешав их строй, сверкнет Поэт впервые, —
Обрубит он все корни родовые,
Не их прославит, выразит — не их,

Нет! — сердца жар отдаст он *всем народам!*
Лишь дом свой бросит. Где девиз над входом
Звал жить иль гибнуть — только для «своих».

ЗАКАТ

Закат прекрасен, как душа Лауры,
Как мысль травы, сияюще-зеленой,
Как мысль травы, поднявшаяся выше
Древесных куп, над далью ослепленной.

Темны деревья. Но поля покато
Облиты блеском... Я догадки строю:
К чему столь расточительная трата?
Не связано ли все, чем жизнь богата
И не напрасна, — с пламенем заката
Надежнее, чем с утренней зарею?

Блеск и огонь на бузине укромной.
Блеск и огонь на пыльно-золоченых
Волнисто-старых стеклах кухни тесной,
Раздвинувшейся вдаль, как зал ученых,
И в гроздьях вулканических рябины, —
Как стекловидный пурпур изверженья,
Внезапных, проницаемых прозрачно
И раскаленно-жидких на мгновенье.

Да, как трава, зеленый! Травянисто-
Зеленый! — травянисто-лучезарный
Жар, свежий пламень! С тенью золотою,
Союзной свету; жаркой тенью тою,
В какой не скроешь умысел коварный!
Да! Итальянский свет! Пушисто-красный,
Оливковый... В слепящих срезях глины,
На голубятне, в рощах... В ренессансных
И кардинальских пурпурах рябины,

Уже непроницаемых, однако,
Уж не кипящих на пределе жженья.
Но даже весть о допущенье мрака
Теперь не омрачит воображенья!

Черны деревья,
Что вдали горели
Кольчугой медной и драконьей раной

И реяли, как плащ героя рдяный:
Там ночь и осень. Свертываясь, гаснет
Драконьей кровью кленов жар багряный.
Но так неукоснительно, так властно
Движенье поступательное света,
Что в ночь уже не веришь.
Сердцу ясно:
Не может тьмою кончиться все это.

КОННЫЕ СКАЧКИ НА СХОДНЕ

Обоих берегов обрывистый рельеф,
Всяк выступ, всяк изгиб усеял пестрый люд.
И неподвижность лиц толпы, и тайный гнев
Галопа конского, — как вихри сшиблись тут.

Жокей несется вскачь, многонедельный труд
Весь в этот миг вложив. Но, вдруг барьер задев
И через голову коня перелетев,
Он молча терпит боль и гордо — общий суд.

Чу! — новый скачет к нам... Не шелохнулся б лист
Ольхи!.. Вдруг... чад, вонь, треск: взбурлил мотоциклист!
Стой! Кто ты, маска-шлем? А впрочем, наугад

Могу сказать: подлец. Подл, кто не дорожит
Ни ароматом трав, ни топотом копыт,
Ни тем, что девять сел за всадником следят...

ТРЕПЕТНЫЕ ПНИ

1. Баллада о некраденном ситнике

Сегодня жалуется многие,
Что не в почете демагогия,
И к таковой восстановлению
Принять мечтают меры строгие.

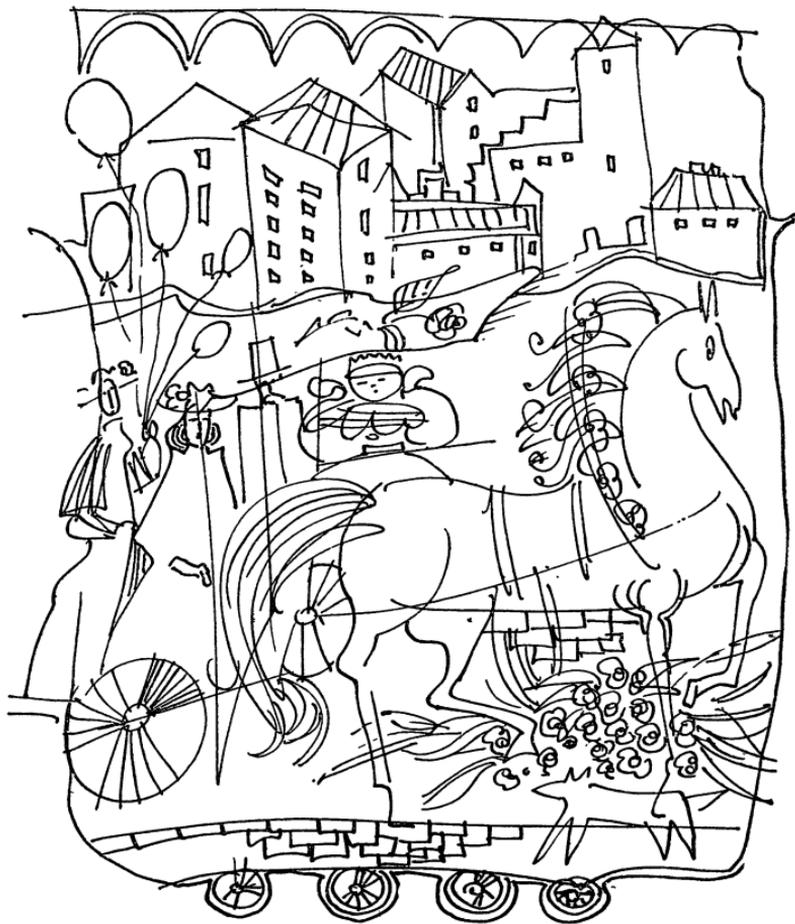
Впервые, как ни странно, верю я,
Что их страдает фанаберия:
Так врать!
И вдруг в одно мгновение
Растаться с негой лицемерия?
Какая грозная мистерия!

Устам зажиточного битника
И хиппи, старого, маститого,
И правоборца знаменитого, —
Вкус неворованного ситника
Так страшен, что звереет психика!
Вползают в душу суеверия,
Рассудки поражает мистика...

Так
До последнего листика
Дрожат осины в вихрях осени...

2. Подарок

Подарили Фицли-Пуцли
Бомбу в ночь под рождество.
Это был, друзья, подарок
Очень ценный для него!

Он покрасил бомбу соком,
Подсурьмил, позолотил
И дарителю беспечно
На макушку опустил.

Кто же знал, что дело примет
Столь... приятный оборот?
Тот, кто сам неблагодарен,
Благодарности не ждет!

3. Трепетные пни

Есть «люди» топора и западни,
Похожие на трепетные пни:
К другим они до тупости жестоки,
Но тронь самих — расплачутся они!

4. Прапрапраавангардизм

...И снова — «творческая смелость»!
В которой снова нам видны
«Передовизма» застарелость
И заскорузлость «новизны».

На пьедесталы устремленных
Фигур так много, что вот-вот
Росток их мысли
Из зеленых
К вечнозеленым перейдет!

Все тот же май «авангардизма»,
Все та же зелень — да не та;
Прозеленевшая нумизма
Из саркофагов поднята.

Заслуга лет, конечно, сила.
И все-таки не возгордись,
Прапрадед прамафусаила,
Заросший мхом, авангардизм!
...Он план лелеет грандиозный
Стать памятником перемен;
Пугливый, ветренный, скабресный, —
Он все такой же несерьезный,
А борода — уж до колен...

5. Полидори

По свидетельству Моруа, автора
книги о Байроне, медик Полидори
однажды обратил к поэту вопрос:
«А что, собственно, вы сделали та-
кого, чего не сделал бы я?»

Сверхчеловечек, плут неблагодарный,
На Байрона воззрясь в тоске нахальной,
Гадал: «Как мог создать такой бездарный,
Чего не создал я, — столь гениальный?!»

6. Из фонотеки древних

Брута меч над собой занесенный завидя,
Цезарь воскликнул
(Знает сегодня весь мир этот возглас
короткий): — «И ты, Брут!»
Но в прошлом только году, при помощи
техники новой,
Брута быстрый ответ ученые расшифровали:
«Сделай сто раз хорошо и только единожды
плохо, —
Молвил обидчиво Брут, — и уже тобой
недовольны!»

7. Певец и маски

В интриг непролазную муть
Уйдут проходимцы и хваты:
У хитрых во всем перехлест!

Я думаю, в том-то и суть,
Что маски всегда простоваты.
Лишь тот, кто без маски, — не прост.

Он правду выводит на свет,
С коварных личины срывает,
Но... тайна не с ними, а с ним.

Поэт потому и поэт,
Что он ничего не скрывает
И все-таки необъясним.

8. Люди и птицы

Павлин хорошо окрашен. И тропик ему приют,
Но крик его хрипл и страшен, как будто в нем
сто простуд!
Ах, птицы совсем как люди! Как люди и как
поэты:
Чем лучше они одеты, тем хуже они поют.

9. Жалоба

Нынче в хозяйстве моем
Долго царит заустенье;
Где Ариаднина нить?
Где Золотое Руно?
Нету. Кастальский родник

Перебирая в уме всевозможные темы
(И, как всегда, надрываясь под жизненной ношей),
Я поняла, что от жизни оторваны
Все мы.
Только — один от плохой, а другой — от хорошей.

ОСЕНЬЮ

Много в садах георгинов: длинных, на чашках зеленых.
Тяжких. Лиловоголовых. Резкой росой отрезвленных.
Каждый, в наклоне безмолвном, реку в рукав проливает.
Каждый, как туча без молний, маленький ливень
скрывает.

Хочется мне их сырую, влажную хмулость нарушить:
Миг! — и под песьим начесом трепет лица обнаружить!
Если на свет через темный вы лепесток поглядите,
В тьме лепестка перед вами вспыхнут пурпурные нити...

Ах! — только света на небе что-то давно не бывало;
Вверх понапрасну глядела, зря лепестки обрывала;
Только и видела — тени! Только — в невидимой
смене —
Дым облаков закопченных... Только — очки для
затмений!

ПРОПОВЕДНИК

Осушая слезы о передник,
Плачут жены, плачет народ...
Старый Робин, черный проповедник,
Простирает руку вперед:

«О братья мои, сестры!
Много бед у вас, увы...
Перед вами, братья мои, сестры,
Я стою, такой же, как вы.

Что я могу поделаться?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сестры,
Буду вечно, вечно в долгу.

Балахоны бродят, как туманы;
Страшен, страшен ку-клукс-клан!
Он решил, что все мы бесталанны, —
На лачуги пламя наслал!

Так почто ж он лицо нам не откроет?
Правду свою — не огласит?
Видно, шибко тот его расстроит,
Кто слегка ему возразит...

Ну а я — что я тут могу поделаться?
На невидимом торгу
Перед ним, о братья мои, сестры,
Я пребуду вечно в долгу».

Как горошек, проповедь наивна.
Проповедник чуть не в себе.
Прихожане плачут непрерывно,
И кричит ребенок в толпе...

Ну а я — что я тут могу поделать?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сестры,
Буду вечно,
вечно в долгу.

АМЕРИКА

За синими горами,
За синими морями,
Там, разметалась, разлеглась
 огромная страна...
Назвать ее могла я
Одним коротким словом,
Да слишком уж большая
Для этого она!

С полями для работы,
С лесами для охоты,
С домами, полными заботы,
 и печали,
 и торжеств...
Там статуя Свободы
На благо всем скитальцам
Попала в небо пальцем,
Сделав
 свободный
 жест.

Но там живут герои:
Матросы и ковбои,
Киноактеры и шахтеры, и поэты,
 и ткачи,
И льется, льется песня,
Которую поют они, —
Над фермами,
 каютами,
Над шахтами в ночи...

То тихо убывая,
То шумно прибывая,

Она взмывает, как свободная
и вольная
волна...

Назвать ее могла я
Одним коротким словом,
Да слишком уж большая
Для этого она!

ИСКРЫ ЛУНЫ

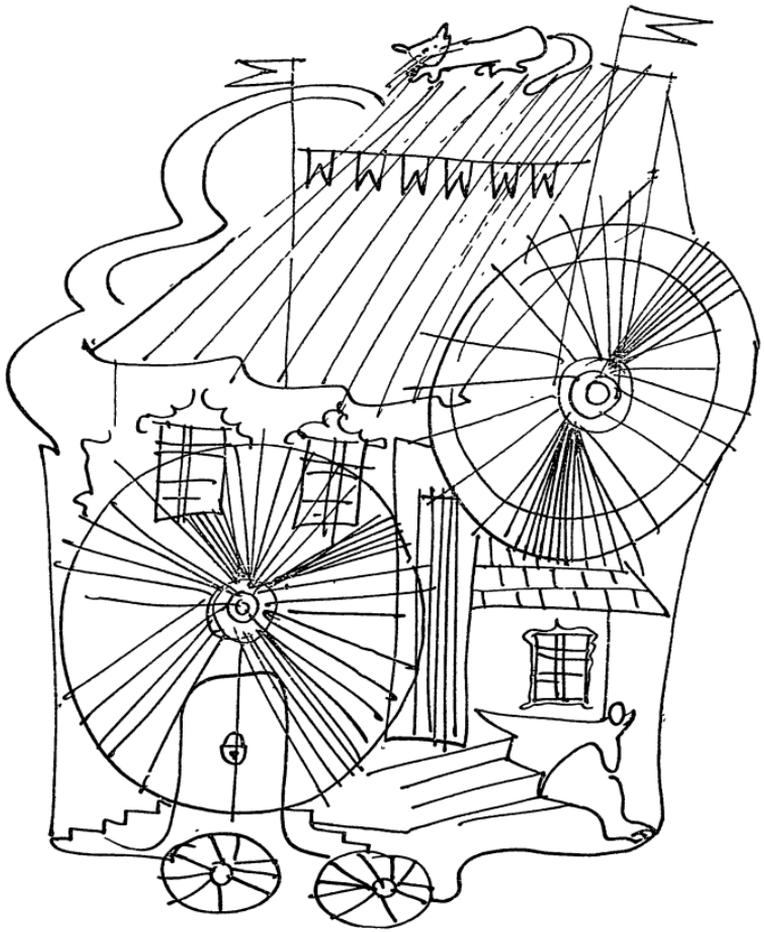
Осенний лунный свет коснулся полотенец.
Роняют лист в ночи притихнувшие липы.
Слепящий мрак раскрыл немало тайных зреньиц:
Блеск мыльниц, пепельниц... Там — книг мерцают кипы,

Там — гвоздь, как звездочка... Печальны лестниц
скрипы.

Как темный вампум, спит на стенке красный перец.
Слегка светясь во тьме, кульки в шкафу без дверей
Подмигивают нам, как сказочные типы.

Крюками каперов бывав обшарен часто,
Гоним то штормом, то акул безглазых парой,
Чу! — снова, как фрегат, свободный от балласта,
Дом выпрямляется, треща обшивкой старой.

Лишь — призрак тех невзгод — в предутреннем тумане
Большое дерево встает, как вал цунами.

* * *

В серебристом и желтом полусвете
На ветру шелестят рыбацьи сети;
Блещут все ячейки
Тех сетей густых, —
Световые змейки
Несутся сквозь них...

Не проходит закат с волнами света,
И садится солнце медленно очень:
На пороге ночи
Ночи и не жди!
 На пороге ночи
 Ты ночи не жди.

Дорогое знакомое свечение,
Негасимого моря излученье!
На дороге к тайнам
Ты нас не покидай;
Заплутать не дай нам,
Сияй нам! Сияй.

СОДЕРЖАНИЕ

Половодье	4
Рыбачка	5
«Среди спускающихся в шахты...»	7
Песня о матери	8
«Вышел из народа...»	9
«У старца немощного...»	10
Предзвук	
1. К сонету	12
2. Предзвук	12
3. Лоцманское	13
Оратория звезд	14

II

«Иголка с ниткой...»	24
Взморье	26
Италия	27
Ритмы века	29
«Вокруг деревьев и домов...»	32
Трубка мира	35
Раскрепощенность	36
Гибель «Данаи»	37
Улыбка дельфина	38
Простодушие	39
Присоединяясь к сочувствию...	41
Компьютер	42
Уют	43

Рисунки на вазах

1. Лягушечка	44
2. Побасенка	44
3. Князь Тамбовский	45
4. Снизойдя до ответа	45
5. Запятой	46
6. Проблема влияния	46
7. К некоторым коллегам, исполнителям песен .	47
8. «Я леплю из пластилина...»	47
9. Портниха и фабрикант	48
10. «Ой, водоросли — волосы...»	50
11. Заоблачность	50

Ш

Созвездие «Овн»	52
Пятнистая гиена	56
Река идет...	57
Песня на холмах	60
С гор ветерок...	62
Шум листвы	64
Горожанин	65
Неясное стекло	66
Элегия	68
Синий колос	70
Ландыш	
1. Подобно лебедю...	73
2. Поиски	73
3. Ландыш-белошвейка	74
Речка Воря	75
В новый век...	77
Синеблузые	78

IV

Синее море	88
Прерии	90
Океан, океан...	91
Язык детства	93
«В те дни, как небожители с высот...»	95
Взрослые и дети	
1. Сонет прозаический	96
2. «Пока трава растет...»	96
3. Перевертыши	97
4. Детство золотое и детство медное	98
Страница	99
На чествование сонета	100
Каприччио	101
Из «Сонетов Гамлету»	
I. «Смерть Гамлета...»	104
II. Дух	104
III. Елизавета и Шекспир	105
«Нежнее тумана речного...»	106
Вьюнок	108
На «Ундину», оперу Гофмана	110

V

Остается добавить...	
1. «Когда моим простым хороям...»	112
2. «Книжность»	112
3. Проволочный скворец	114
4. Остается добавить...	114
Сочинительницы	117
Май	118
Генрих Гейне	120
Закат	121
Конные скачки на Сходне	123

Трепетные пни	
1. Баллада о некраденом ситнике	124
2. Подарок	124
3. Трепетные пни	126
4. Прапрапраавангардизм	126
5. Полидори	127
6. Из фонотеки древних	127
7. Певец и маски	128
8. Люди и птицы	128
9. Жалоба	128
10. «Прав был Орфей...»	129
11. Гордецы	129
12. Телепатия	129
13. «Личность под тентом...»	129
Осенью	131
Проповедник	132
Америка	134
Искры Луны	136
«В серебристом и желтом полусвете...»	138

Матвеева Н. Н.

М 33 Хвала работе: Стихотворения. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 141[3] с.

45 к. 50 000 экз.

В новый сборник известной советской поэтессы Новеллы Матвеевой включены стихотворения, песни, поэмы. Главная тема ее стихотворений — природа, которая нуждается в охране и неослабном внимании. Поэтесса говорит о необходимости усилий всех и каждого в предотвращении войны, о стремлении утверждать новые духовные ценности.

М 4702010200—283
078(02)—87—205—87

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 5085

Новелла Николаевна Матвеева

ХВАЛА РАБОТЕ

Заведующий редакцией **Г. Зайцев**

Редактор **Ген. Красников**

Художественный редактор **Т. Погудина**

Технический редактор **З. Ахметова**

Корректоры **Т. Монтиевская, Н. Самойлова**

Сдано в набор 26.06.87. Подписано в печать 20.10.87. А13187
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 6,3. Усл. кр.-
отт. 6,65. Учетно-изд. л. 4,4. Тираж 50 000 экз. Цена 45 коп.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового
Красного Знамени издательско-полиграфического объединения
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва,
Суцневская, 21. Заказ 1494.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМУ «Молодь» ордена
Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического
объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 252119, Киев-119,
Пархоменко, 38—44. Заказ 7—418.

45 коп.

